

СЛОМАННЫЕ
цепи

ЦЕПИ МОЖНО РАЗОРВАТЬ.
ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ ВНУТРИ.

КИРА ПЕНТ

Кира Пент

Сломанные цепи

<https://litres.ru/74163899>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арай всегда знала, какой хочет видеть свою жизнь: стать юристом, помогать людям и никогда не терять себя. Но одна случайная встреча меняет всё.

Любовь не всегда приходит, чтобы спасти.

Иногда она становится самым тяжёлым испытанием.

История о том, как легко потерять себя в другом человеке и как трудно найти дорогу обратно.

Кира Пент

Сломанные цепи

-Сломанные цепи-

----- Плейлист-----

Голая – Rozalia

Движения – Елена Темникова

Секунду назад – Ночные снайперы

Я буду – The Adresov

Всё ещё люди – Бюро

Крылья – лампабикт

Встретимся завтра – T-fest

Lovesong – Adele

Останусь – Город 312

Моя дорогая – Моя дорогая

Где ты – Элли на маковом поле

Lament - Jacaszek

Пыль в глаза – Мильковский

----- Глава 1. Февраль -----

Сегодня обычный серый день. На улице февраль. Лично я никогда не любила февраль. Он казался мне каким-то нерешительным — вроде как зима ещё, но уже и не в полную си-

ду. Снег грязнеет, люди торопятся сильнее, и даже небо, кажется, сдаётся. Я всегда говорила, что это месяц честности: всё лишнее отваливается, остаётся только то, что выдержало мороз.

Я просыпаюсь за минуту до будильника. Так всегда бывает, когда спишь тревожно, будто тело не доверяет даже телефону. Открываю глаза и какое-то время просто лежу, уставившись в потолок. На нём маленькое пятнышко от старого протекшего соседа сверху. Когда-то я хотела закрасить, но так и не сделала. Оно будто живёт со мной, как ещё один молчаливый свидетель.

Я встаю, натягиваю тёплые носки и свой серый свитер с вытянутыми рукавами. Он давно уже не серый, а какой-то между-осенний, но я всё равно люблю его. Мне в нём уютно, как будто я снова дома, у мамы, где вокруг витает любовь.

Умываюсь прохладной водой, смотрю в зеркало. Щёки чуть припухшие — я опять спала, как будто боролась с ночным воздухом. Кожа смуглая, ресницы длинные, брови чёткие. Мама всегда говорила, что во мне есть что-то гордое, казахское. Что бы ни происходило — не потеряй свою стойкость, Арай. Она выбрала мне это имя, когда ей было всего двадцать. «Арай» — значит «рассвет». Иногда мне кажется, что я всё ещё не наступила.

На автомате наношу немного тона, тушь и блеск. Волосы заплетаю в гладкую косу. Бывают дни, когда я выхожу в пальто от Max Mara, в остроносых ботильонах и очках в толстой

оправе. Сегодня — не такой. Сегодня — «на лекции не заметят». Джинсы, свитер, пуховик, тёплый шарф.

На кухне — пусто. Кофеварка выключена, кружка стоит в раковине. Вечером опять не было сил помыть. Я завариваю себе чай с жасмином, включаю радио на фон и сажусь за стол. До лекции час, но я знаю, что опоздаю — потому что с утра медленная, как сироп. Мне нужно время, чтобы «собраться». Не снаружи, а внутри.

Дорога до университета — двадцать семь минут. Я давно засекала. Сначала пешком до остановки, потом один автобус и оттуда немного пройти вдоль парка. Я не люблю ездить на такси утром. Слишком быстро, слишком чуждо. Утро должно быть медленным, как старый фильм. По пути я встречаю продавца у булочной — он кивает мне, как всегда. Мальчишку, который раздаёт флаеры — он всегда предлагает мне один, даже зная, что я не возьму. Мир держится на этих повторяющихся, маленьких вещах. Они придают дню форму.

Даже в университете всё, как всегда. Лестницы, пахнущие пылью и влажной тряпкой. Студенты с сонными глазами и с кофе в пластиковых стаканчиках. Я поднимаюсь на третий этаж и захожу в аудиторию. Сажусь ближе к окну — мне важно видеть улицу. Напоминание, что жизнь идёт.

В аудитории душно, как будто воздух забыл, что такое движение. Лекция по гражданскому праву. Преподаватель говорит с металлической интонацией — будто это не наука, а приговор. Я записываю всё в блокнот, хотя знаю, что потом

всё равно перепечатаю. Руки должны быть заняты. Рядом со мной садится Аня. Мы вместе с первого курса, но я не могу назвать её подругой. Просто человек, который рядом, иногда этого достаточно.

— Доброе утро, Арай. Ты сегодня похожа на героиню из какого-то дорогого сериала, — хмыкает. — Или на адвоката из фильма про развод.

Я улыбаюсь краешком губ. — Спасибо. Я как раз в на-строении кого-то морально уничтожить.

— Слушай, ты сегодня такая... тихая, — она смотрит на меня сбоку.

— Я всегда тихая.

— Не всегда. Когда ты споришь с преподами — у тебя огонь в глазах, — она улыбается. — Сейчас — как будто его затушили.

Я пожимаю плечами. — Февраль, — говорю.

После лекций я иду на практику — юридическая клиника при университете. Мы бесплатно помогаем людям, у которых нет денег на адвоката. Университет покрывает все затраты и даже платит нам. Я люблю эту работу. Иногда она тяжёлая, но я чувствую, что хоть кому-то нужна и хоть где-то могу быть полезной.

В клинике прохладно. Администраторша здороваётся со мной по имени. Кабинет — скромный: стол, два стула, компьютер. На столе аккуратная стопка дел. Сегодня пришла женщина лет сорока. Говорит негромко, глаза постоянно бе-

гают. Я узнаю в ней себя. Такой я бываю часто. Напуганной, неуверенной, слишком вежливой. Мы обсуждаем её ситуацию: муж угрожает, не даёт уйти, не отдаёт документы. Я спрашиваю, есть ли побои, доказательства. Она кивает, говорит, что есть фото. Я помогаю ей составить заявление. В какой-то момент она поднимает на меня глаза и шепчет:

— Спасибо, что не осуждаете.

— Я вас понимаю.

Внутри я горю.

Когда я возвращаюсь домой — уже темно. Ставлю воду на плиту. Чай. Жасмин. И так по кругу целыми днями.

-----Глава 2. Юридический приговор.-----

Утро началось как обычно — спокойно, чуть лениво, но без той усталости, что была у меня последние годы. Я собиралась на учёбу почти на автомате, но с каким-то странным ощущением завершённости: я ведь уже на последнем курсе, финишная прямая, осталось совсем немного — и всё, взрослая жизнь захлопнет за мной дверь.

Когда я дошла до остановки, я поймала себя на мысли, что, несмотря на весь стресс, я всё ещё люблю свой универ. Люблю даже эти гулкие утренние автобусы, где студенты держат конспекты поверх бессонных глаз.

Когда я впервые поступала на юрфак, все удивлялись: «Зачем тебе это? Это же сложно».

А я просто не видела другого пути. У меня было это упёртое, детское чувство справедливости, которое почему-то не пропало с возрастом. Я не любила конфликтовать, но всегда ненавидела, когда кто-то пользуется слабостью другого.

Наверное, именно поэтому я выбрала право: оно казалось мне единственным инструментом, который может хоть немного уравнивать людей между собой.

И да, отчасти я выбрала его назло всем, кто говорил, что девушке из простой семьи «это слишком тяжело». Мне всегда хотелось доказать: могу, получится, справлюсь.

Теперь, идя по университетскому коридору к аудитории, я понимаю — я не ошиблась.

Устала? Конечно.

Сомневаюсь? Ещё как.

Но всё равно — это моё.

Первая пара начинается в 8:30. Теория государства и права. На последнем курсе такие предметы воспринимаются как лёгкий фон, белый шум. Я сажусь на своё место у окна, открываю ноутбук и начинаю писать конспект. Не потому что надо, а потому что это уже часть ритуала. Где-то между страницами конституции и структурой органов власти я ловлю себя на тихой гордости: ещё чуть-чуть — и я стану юристом

по-настоящему.

Но, перемена — всё ещё мой любимый момент дня. Я иду в буфет, беру чай и стою у окна. Смотрю вниз, на толпы людей, и думаю: вот они идут каждый своим путём, а я — своим. И пусть он тяжёлый, но он честный.

После второй пары я направляюсь в юридическую клинику — то самое место, где студенты могут работать с реальными делами и реальными людьми.

Иногда я думаю, что именно эта работа убедила меня окончательно: да, я точно выбрала правильную профессию.

На часах — 14:03, а у меня уже усталые плечи.

В клинике сегодня многолюдно. Люди сидят вдоль стен, кто-то заполняет документы, кто-то тихо ругается в телефон. Я прохожу мимо и чувствую, как воздух плотный, тяжёлый — будто здесь суммарная тревога всех клиентов собирается в одну точку.

В моём кабинете — новый клиент. Мужчина лет пятидесяти, крупный, нервный. Он стоит, даже не пытался сесть. Лицо красное, руки дрожат, куртка брошена на стул, как будто она тоже виновата.

— Я говорю вам: они не имеют права это делать! — он резко поднимает голос. — Это незаконно! Вы юрист или нет?!

Я делаю глубокий вдох.

— Давайте по порядку. Я пытаюсь объяснить вам, какие шаги мы можем предпринять. Но если вы будете кричать, я

не смогу вам помочь.

Он делает шаг вперёд, слишком близко.

У меня в груди неприятно ёкает — как будто чьи-то чужие эмоции ударились об мои.

— Помочь? Вы? Да вы только бумажки переписывать можете! — он стучит ладонью по столу. — Я пришёл сюда за реальной поддержкой!

Я пытаюсь сохранять спокойствие, но усталость от того, что на меня снова кто-то давит, почти что берёт вверх.

— Пожалуйста, отойдите на шаг назад, — говорю я ровно. — И не повышайте голос.

— А если я не хочу?!

Он делает ещё шаг вперёд.

И вот в этот момент дверь в мой кабинет открывается.

Так спокойно, тихо, будто человек просто перепутал комнаты. Я даже не сразу понимаю, что происходит — просто тёплый поток свежего воздуха, немного запаха морозного улицы и чей-то спокойный голос:

— Прошу прощения, что вмешиваюсь, — мужчина, стоящий в дверях, смотрит на моего клиента не строго, но так уверенно, что тот невольно отступает на полшага. — Но, кажется, вы сейчас разговариваете с человеком, который пытается вам помочь.

Он делает ещё один шаг внутрь, кладёт ладонь на дверную

ручку, будто фиксируя границу комнаты.

Высокий. В тёмном пальто. Волосы чуть растрёпанные снегом. Лицо напряжённое, но в глазах есть то самое спокойствие, которое чувствуется из далека.

Он продолжает, всё тем же мягким, но уверенным тоном.

— Давайте сядем. И попробуем решить вашу проблему так, чтобы вы получили то, за чем пришли. Ругаться — точно не поможет.

Мой клиент моргает, растерянно смотрит то на него, то на меня. Будто впервые замечает, что его вспышка была лишней. Он шумно выдыхает и медленно опускается на стул.

— Л-ладно. Ладно, извините, — бормочет он. — Я... сорвался.

Я киваю, ощущая, как напряжение с плеч сползает почти физически.

Мужчина в пальто встречается со мной взглядом.

Коротко, будто проверяя: «Ты в порядке?».

Я киваю ещё раз, уже ему.

Он чуть улыбается.

— Тогда я не буду мешать, — говорит он, тихо. — Удачи вам.

Дверь закрывается. А у меня в груди — странное ощущение.

Как будто в самый неудобный, тяжёлый, раздражающий

момент кто-то аккуратно подхватил меня за локоть, чтобы я не упала. Как будто ничто в этом дне не предвещало изменений, пока он не появился.

Я делаю короткий вдох и возвращаюсь к делу — голос ещё чуть дрожит, но я стараюсь, чтобы этого не было слышно.

— Хорошо, — говорю я, собирая документы. — Давайте ещё раз. С самого начала.

Мужчина соглашается, теперь уже спокойно. Даже руки перестают дрожать.

Я объясняю ему порядок действий: что можно сделать, какие документы собрать, какие сроки, куда писать заявление. Чем больше он слушает, тем больше смягчается его взгляд. Кажется, он даже начинает мне доверять — или, по крайней мере, перестаёт видеть во мне врага.

Через двадцать минут он поднимается со стула уже другим человеком — уставшим, но благодарным.

— Спасибо вам, — произносит он неловко. — И... ещё раз извините.

— Всё в порядке, — отвечаю я. — Надеюсь, у вас всё решится.

Он уходит, и дверь закрывается тихо, как и открылась.

А я остаюсь сидеть одна, с ладонями, всё ещё слегка влажными от напряжения, и неожиданным теплом где-то под сердцем.

Тут же появляется мысль, настолько яркая, что я чув-

ствую предвкушение:

Кто он такой?

Тот мужчина в дверях. Он спас ситуацию так легко, будто делает это постоянно, но я впервые видела его в клинике.

Я встаю, быстро собираю бумаги в папку, чтобы оправдать собственную поспешность перед самой собой, и выхожу в коридор.

Коридор длинный, светлый, чуть шумный. Студенты ходят туда-сюда, кто-то печатает на телефоне, кто-то ругается с принтером, кто-то пьёт кофе у окна.

телефоне, кто-то ругается с принтером, кто-то пьёт кофе у окна.

Но его — того высокого, в тёмном пальто — нигде нет.

Я прохожу чуть дальше, потом ещё. Заглядываю в приёмную, в холл.

Даже выглядываю на улицу — вдруг он просто вышел вдохнуть морозный воздух.

Его нет, будто растворился.

С лёгким раздражением на саму себя за то, что я так реагирую, я разворачиваюсь и иду в сторону кабинета коллег.

За столом сидят двое — Катя, которая всегда носит ярко-красную помаду даже на практику, и Олжас, вечный отличник, который за правильные формулировки, кажется, продал душу.

— Ребят, — начинаю я, прислоняясь к дверному косяку,

— у нас сегодня тут не проходил мужчина? Высокий, в пальто, тёмные волосы... Ну такой... уверенный.

Катя поднимает глаза, мгновенно оживляясь.

— Звучит как персонаж из романтической драмы, — хмыкает она. — Но нет, никого такого не видела.

Олжас качает головой:

— Мы почти весь день здесь, никто к нам не заходил. Ты что, клиента потеряла?

— Нет, — я вздыхаю, — наоборот. Кто-то помог мне с очень нервным клиентом. Успокоил его. Я хотела... ну... поблагодарить.

Катя приподнимает бровь:

— Тайный спаситель? Ох, девочка, ну это прям сюжет.

— Катя, пожалуйста, — я устало машу рукой, — просто скажите, может, новый сотрудник? Или кто-то из практикантов?

Они переглядываются — и снова отрицательно мотают головами.

— Никого, — повторяет Олжас. — Если бы кто-то новый пришёл, мы бы знали.

Я тихо закрываю дверь, ощущая странное смешение чувств: облегчение, лёгкое разочарование и какую-то волнующую неизвестность, которую сложно объяснить. Он появился ровно в тот момент, когда я была на грани срыва и исчез так же тихо, как и пришёл, будто ветер. И почему-то этот факт остаётся со мной до самого вечера.

Вечером, уже дома, я заварила себе чай с жасмином и села у окна. Снег медленно падал за стеклом, и свет уличных фонарей мягко отражался на мокром асфальте. Мысли сами собой вернулись к мужчине, который вмешался в мой кабинет — к его спокойному голосу, уверенной походке и лёгкой улыбке. Я даже не знала его имени, но что-то во мне дрогнуло.

Я представляла, как он спокойно ведёт себя в любой ситуации, как умеет разрядить напряжение одним лишь тоном голоса. Почему-то казалось, что он понимает людей лучше, чем кто-либо ещё. И что странно это совсем не тревожило, а наоборот — немного успокаивало. Но день был долгий, плечи болели, глаза сами смыкались. Я пыталась задержать сон, но усталость брала верх. Чай остыл в чашке, я положила голову на подушку и почти сразу погрузилась в сон, а мысли о незнакомце растворялись вместе с вечерним темным городом.

-----Глава 3. Героический незнакомец.-----

Прошло несколько дней. Я уже почти и забыла про того героического незнакомца. Учёба и работа захватили меня целиком — словно мир решил проверить, выдержу ли я последний курс. Лекции тянулись, как серые полотна, а клиника требовала постоянного внимания: документы, встречи, консультации. Но что поделаешь — последний курс, как никак.

Сегодня день начался как обычно. После лекции я взяла стопку документов и быстрым шагом продвинулась по коридору, нужно было срочно передать коллегам кое-какие бумаги. Не стоит вникать в детали — лучше побережь нервы. Только на этой работе я видела что угодно. Пару недель назад приходила разведённая пара и судилась за кота. Кот, представляете? Суд! Я надеюсь, что когда-нибудь пойму этот мир.

С этими мыслями я шла, почти погрузившись в свои мысли, и не заметила, как влетела в кого-то в коридоре.

Документы вылетели из рук в воздух, а я чуть не покати-лась на пол, но его руки мгновенно поддержали меня.

— Извините! — быстро сказал он, начиная собирать бумаги. Его движения были уверенные, ловкие, словно он делал это тысячу раз. — Я... я не заметил вас.

Я спокойно отступила, позволяя ему собирать разбросанные листы, но когда подняла взгляд, сердце как будто остановилось на мгновение.

Это был он. Тот самый мужчина в тёмном пальто, спокойный и уверенный, который вмешался в мой кабинет несколько дней назад.

— А... вы... — я слегка запнулась, не зная, что сказать.

Он улыбнулся, лёгкая улыбка, почти незаметная, но достаточно, чтобы я опешила.

— Приятно снова встретиться, — сказал он тихо, протягивая мне часть документов. — Надеюсь, вы не сильно по-

страдали.

Я кивнула, всё ещё пытаюсь оправиться от неожиданности. Этот маленький момент, этот неожиданный контакт — словно ворвался в мою серую рутину и заставил сердце биться чуть быстрее.

— Извините... а почему вы здесь? — неловко спросила я, стараясь не выдать, как сильно удивлена его появлением.

Он слегка смутился, будто не ожидал, что я вспомню тот случай так быстро.

— Я тут по делам... — начал он, поднимая взгляд, — у меня кое-какие проблемы. Уже пятое место, мне всё никак не могут помочь.

Я чуть нахмурилась, вспоминая свои мысли о документах и бюрократии.

— Позвольте, я взгляну на ваше дело? — предложила я, машинально принимая рабочий тон.

Он кивнул, чуть улыбнувшись, и я поняла, что эта встреча — уже не случайность. Я даже уже забыла, куда собиралась идти, и мы вместе направились в мой кабинет. Как удобно быть юристом: у меня есть и дело, и его имя с фамилией — всё как на ладони.

После работы обязательно найду его страничку в социальных сетях — подумала я, но тут же руки и глаза уже разбирали документы, профессионально оценивая их содержание.

Документы были связаны с лудоманией, и мысль пробежала мимо: «Нет, не стоит искать его страничку в сети». Я

подняла глаза — и он сразу всё понял.

— Блин... — начал он, слегка смущаясь, — а я уже думал попросить у вас номерок, но, видимо, это всё испортит.

Я ничего не ответила. Может, и следовало, но я снова углубилась в дело.

Этот симпатичный, хотя и, видимо, не самый умный парень, проиграл целую квартиру в казино. Целую квартиру! Наследство от матери.

Я снова посмотрела на него и на документы. Пальцы сами по себе начали ерничать, перебирая бумаги, отмечая детали. Он пытался обвинить казино в жульничестве или в том, что они работают без лицензии.

— Я понимаю вашу злость, — сказала я ровно, — но, если хотите шансов на успех, нужно конкретно доказать нарушения. Иначе... увы, закон на стороне казино.

Он сдался, опустив плечи, но взгляд не отпускал меня. Казалось, он пытается найти что-то ещё — не в документах, а во мне.

Мы уселись за стол ещё удобнее, разложив документы аккуратно, хотя они всё равно слегка мешались. Он пытался объяснить детали, я внимательно слушала, перебирая бумаги и делая пометки. Время шло незаметно: разговор становился деловым, напряжённым, но с лёгкой долей иронии.

— А вы точно юрист? — наконец спросил он, слегка улыбаясь, когда я быстро и профессионально отметила явные ошибки в документах.

— Последний курс, — ответила я спокойно, не отрываясь от дела. — Так что, если вы надеялись на чудеса... чудеса — это не моя специализация.

Он хмыкнул, но не отступил. Вместо этого мы продолжили разбирать каждый пункт, искать лазейки, обсуждать стратегии. Документы, заметки, расчёты — всё вокруг, а время как будто исчезло.

Когда наконец взглянула на часы, я не поверила глазам: уже глубокая ночь.

— Неужели... — выдохнула я, — мы реально работали над этим до ночи?

Он поднял бровь и слегка улыбнулся:

— Похоже, да. И, честно, я даже не заметил.

В этом взгляде и в этой улыбке было что-то лёгкое и одновременно спокойное, что-то, что никак не напоминало хаос и усталость дня. Мы оба знали, что этот вечер запомнится.

Мы закончили разбирать последний документ, аккуратно сложили бумаги в папку. Комната уже погрузилась в полумрак — единственный свет исходил от настольной лампы и уличных фонарей, пробивающихся сквозь стекло.

— Думаю, на сегодня хватит, — сказала я, закрывая папку. — Спасибо, что доверились.

Он кивнул, слегка улыбаясь, но его взгляд всё ещё задерживался на мне дольше, чем это казалось уместным.

— Я... — начал он, но внезапно замаялся. — Ну, думаю, встретимся ещё, если что-то изменится в деле.

Когда он вышел, коридор казался пустым и тихим. Я стояла у двери кабинета, тихо прислушиваясь к шагам, которые уносились в темноту. Мысль о нём не уходила, будто кто-то оставил во мне маленький свет, который отказывался гаснуть.

Не успела я долго размышлять — усталость взяла верх. Я отправилась домой, глаза сами смыкались. И когда я легла на кровать, почти сразу я погрузилась в сон, а его лицо, улыбка и спокойный взгляд мелькали в мыслях, словно маленькая искра в моём длинном сером дне.

-----Глава 4. Проигрышное дело-----

Эти пару дней прошли тоже словно сумасшедшие. Я даже не заметила, как снова оказалась в этом бешеном ритме. Со всем скоро я закончу университет, а это значит только одно: экзамены уже на носу, нервная система скоро сдаст, а мне нужно успевать всё — готовиться, ходить на пары, писать проекты.

И, помимо обычных пар, у меня, конечно же, есть мои «великолепные» часы практики, которые ещё нужно закрыть. Честно говоря, я иногда думаю, что если бы не кофе, я бы уже давно просто упала лицом в уголовный кодекс и уснула.

Утро началось, как и все последние — слишком рано. Я вылезла из кровати с ощущением, будто спала десять минут, уткнулась лицом в подушку ещё раз, вздохнула и всё-та-

ки встала. Быстро собрала волосы, накинула свою любимую строгую рубашку, джинсы, и уже на ходу допивала чай.

На улице было холодно, но приятно. Я, как обычно, шла по привычному маршруту к университету, слушала музыку и мысленно прокручивала, что у меня там по расписанию. Пары тянулись одна за другой: сначала административное право, потом процесс, потом семинар, где преподаватель, кажется, решил вспомнить, что студенты существуют, и засыпал нас вопросами быстрее, чем мы успевали дышать.

Уже на практике я окунулась в работу с головой. Перебирала документы по своим делам, спорила с коллегами, делилась мнением, слушала чужие версии — обычный рабочий шум, но сегодня он звучал как-то особенно громко. То ли усталость, то ли мысли прыгали куда-то не туда.

Когда я вернулась на своё место, я решила быстро проверить почту, прежде чем снова утонуть в бумагах. На экране мигало новое письмо от адвоката, которому я отправляла документы того самого парня-лудомана.

И да, я всё ещё так и не решилась ему написать. У меня и без него достаточно жизненных квестов. Но его улыбка. Вот она почему-то всплыла в памяти сама.

Не успела я как следует додумать эту мысль, как дверь кабинета тихо щёлкнула — и в помещение вошла та самая улыбка.

— Привет. То есть... здравствуйте, — выдохнул он, нервничая так, будто впервые видит людей.

Я на секунду даже забыла, что держу в руках мышку. Мой взгляд сам собой упал на экран смартфона — и я увидела несколько неп прочитанных сообщений от него, отправленных час назад.

Видимо, нашёл мой номер на сайте клиники. Ну да, логично. Благодаря работе я — почти публичная личность.

— Да, простите, — я подняла взгляд. — Разговаривала с коллегами и не увидела.

Он чуть слышно выдохнул, будто успокоился хотя бы на долю секунды.

— Мне как раз только что пришёл ответ от одного более опытного моего знакомого по этим делам, — сказала я, снова глядя на ноутбук. — Присаживайтесь, прочтём вместе.

Он подошёл ближе, сел на стул рядом. И в этот момент мне почему-то стало жарко. Не так, чтобы бросить в обморок — но достаточно, чтобы я ощутила его присутствие кожей.

Я развернула ноутбук к нам обоим и открыла письмо. Холодный белый фон, чёрные буквы, ничего лишнего. Типичное письмо адвоката, который уже всё видел в своей жизни и давно не верит в чудеса.

Я начала читать вслух, чтобы не смотреть на него, но в какой-то момент всё равно подняла глаза.

«На основании предоставленных документов считаю перспективы обжалования решения отсутствующими.

Указанные действия казино соответствуют заключённому договору.

Нарушений лицензирования не установлено.

Юридические основания для возврата имущества отсутствуют».

Я почувствовала, как его пальцы медленно стискиваются в кулак.

Над его бровями легла тень — разочарование, злость на себя, на мир и на всё сразу.

Я прикусила губу. Не знаю почему.

Он откинулся на спинку стула и тихо, очень тихо выдохнул:

— Ну... понятно. — Он попытался улыбнуться. Получилось плохо. — Официально я — самый глупый человек на планете.

— Вы не глупый, — автоматически сказала я.

Хотя в голове всё же прозвучало: «Квартира, серьёзно?»

Он посмотрел на меня внимательно и как будто слишком открыто.

— А кто? — спросил он, чуть склонив голову.

— Зависимый. — Я сказала честно.

Он моргнул, будто не ожидал услышать правду.

— Но... — я добавила, — это не делает вас плохим человеком.

Он усмехнулся, грустно:

— Плохим — не делает. Бездомным — да.

Я почувствовала странное, бестолковое, совершенно нелогичное желание протянуть руку и коснуться его запястья. Как будто это могло бы хоть что-то исправить. Но я сделала вид, что ищу ещё одно письмо, лишь бы занять пальцы.

Мы молчали. Чутко, плотно, почти интимно — хотя тема была самая грязная и приземлённая, какая только может быть.

— Давайте... — я тихо сглотнула, — посмотрим ещё, какие варианты у вас есть. Не юридические. Жизненные.

Он посмотрел на меня чуть мягче.

— Можно? — спросил он. — Остаться... поработать вместе. Я не хочу сейчас оставаться одному.

Я кивнула, и сама не поняла — ради дела или ради него.

Мы остались вдвоём в кабинете. Тусклый свет настольной лампы, толстая стопка документов между нами, и тот самый воздух, который будто становится плотнее, когда люди слишком долго избегают честности.

Он молчал. Сидел, упершись локтями в колени, и смотрел куда-то вниз, словно собирался с духом.

И вдруг сказал:

— Я, наверное, должен объяснить. Почему вообще попал

в эту... яму.

Я подняла взгляд.

Он не играл и не драматизировал. Он просто, признался:

— Я не идиот, честно. — Он горько усмехнулся. — Я просто очень долго думал, что мне нужно доказать, что я чего-то стою. Себе, людям... кому угодно.

— Казино? — тихо уточнила я.

— Адреналин, — поправил он. — Это чувство... что ты контролируешь хоть что-то в жизни. Хотя на самом деле наоборот.

Он провёл рукой по лицу, будто смывая из него усталость.

— У меня был тяжёлый год. Работа рухнула. Девушка ушла. Я остался один, вообще один. И первое время казалось, что если выиграю — вылезу. Если проиграю — ну... хуже уже не будет.

— И стало хуже, — сказала я спокойно.

Он посмотрел прямо в глаза.

— Гораздо.

Я не отводила взгляд. Хотелось — но я не позволила себе.

Он продолжил:

— Квартиру я любил. Там было всё... что напоминало,

что я нормальный человек. Понимаете?

Я кивнула.

— Я думал, что вот — ещё одна попытка, и всё наладится. И... — он коротко, почти беззвучно рассмеялся, — да. Меня красиво доби́ли.

Минуту мы сидели молча. Так тихо, что я слышала тикающие часов.

Потом я сказала:

— А почему вы вообще решили... Остаться со мной, как с юристом? Не пошли к другому юристу. Я же ещё студент.

Он пожал плечами, но голос выдал его:

— Потому что вы были единственной, кто разговаривал со мной как с человеком. Не как с проблемой. И... — он помедлил, — мне хотелось, чтобы вы знали правду. Чтобы... не думали, что я просто дурак.

— Я не думала, что вы дурак, — прошептала я.

— А сейчас? — он спросил чуть мягче, чем следовало.

Я посмотрела на бумаги, на его имя, на подписи, на цифры.

Потом — на него.

— Сейчас... — я вздохнула, — я думаю, что вам нужна помощь. И что вы это понимаете. Это важно.

Он тихо, почти благодарно улыбнулся. Не той улыбкой, что смущает. А той, что делает человека на секунду честным.

После этого мы уже не возвращались к красивым словам.

Мы говорили прямо: о том, как он может стабилизироваться, куда идти, какие шаги нужны. Он слушал и не перебивал. Не играл героя.

И впервые за всё это время у меня появилось чувство, что он не пытается понравиться.

Он просто пытается быть настоящим.

Мы работали до ночи. Но уже совсем по-другому — без фальши, без попыток казаться тем, кем не являешься.

И когда часы показали уже пол одиннадцатого, я вдруг осознала, что внутри меня странно тихо. Как будто что-то в нём откликнулось чему-то во мне. Тоже неидеальному, уставшему, ищущему хоть какую-то правду.

Когда я наконец закрыла папку с его делом, глаза уже щипало от усталости. В кабинете стояла тишина, в коридоре давно стихли голоса. Было так темно, что лампа отбрасывала на стены длинные, неровные тени. Я потянулась, собираясь встать.

Он тоже поднялся на ноги, посмотрел на окно — там гу-

стой февральский мрак, почти чернильный.

— Поздно уже, — сказал он тихо, почти буднично.

— Да, — отозвалась я, натягивая шарф. — Спасибо, что задержались.

Я не успела сделать и пары шагов, как он неловко прокашлялся.

— Слушай... то есть... Арай... — он помедлил, будто проверяя, есть ли у него право продолжить. — Вы одна домой пойдёте?

— Да, а что? — я слегка удивилась.

Он провёл ладонью по шее — нервный жест, но честный.

— Просто... уже почти одиннадцать. Район у клиники так себе. Я бы мог... — он сделал маленькую паузу, будто выбирал слова, чтобы не прозвучать слишком напористо, — провести вас.

Я подняла на него взгляд. Он не стоял слишком близко, не пытался выглядеть героем, не изображал кавалера. Он просто стоял, чуть уставший, с тем самым искренним выражением, когда человек предлагает помощь не ради красивого жеста, а потому что не может иначе.

— Мне не сложно, — добавил он, увидев моё молчание.

— В знак благодарности.

Я задумалась всего на секунду.

Усталость тянула в сторону простых решений.

— Ладно, — сказала я тихо. — Проводите.

Он немного улыбнулся. Как тогда — в первый раз, в кабинете. Только сейчас теплее.

Мы вышли вместе в ночной морозный воздух и шли рядом по пустой улице. Февральский воздух был сухой, колющий, но после душного офиса казался почти приятным. Фонари освещали дорогу рыжими пятнами, и даже снег под ногами выглядел спокойнее, чем обычно.

Я поправила шарф и решила нарушить тишину:

— Спасибо, что проводите.

— Да не за что, — он чуть усмехнулся. — Мне даже... приятно.

Несколько шагов прошли молча.

Я уже почти думала, что он опять уйдёт в свои мысли, как вдруг он повернул голову:

— Слушайте... — он замялся, — вы сегодня столько говорили. О работе, о клинике, о клиентах... Я столько о вас узнал.

Он нервно провёл рукой по воротнику пальто.

— Теперь... моя очередь, — сказал он, пытаюсь улыбнуться, но получилось так искренне неловко, что мне стало тепло. — Ну... я должен хоть немного выровнять баланс, да?

Я подняла брови.

— Баланс?

— Конечно! — он попытался пошутить, чтобы скрыть

смушение. — Если я ничего не расскажу — будет странно. Если расскажу слишком много — тоже странно. Так что... вы задавайте вопросы, а я... попробую не ляпнуть что-нибудь глупое.

Я на секунду посмотрела в его сторону.

— Хорошо. Тогда... расскажите, чем вы сейчас живёте?

Кроме казино, — добавила я мягко, но честно.

Он хмыкнул — будто оценил прямоту.

— Сейчас?

Он задумался на секунду, подбирая слова.

— Если честно, я пытаюсь выбраться. Из всего. Из долгов.

Из ямы. Из... той версии себя, которым стал за последний год. — Он немного опустил голову. — Вы видели мой файл.

Я не скрываю, в каком положении.

Мы свернули на более тихую улицу, где снег лежал целым, не тронутым.

— Но знаете, — продолжил он, — самое странное... Я ведь раньше был другим. Я работал, копил, помогал родителям. Я был... нормальным, — он тихо рассмеялся. — Ну, насколько это вообще возможно в наши дни.

— А потом? — спросила я, хотя ответ уже знала.

— Потом я потерял себя быстрее, чем квартиру. — Он пожал плечами. — А вернуть себя оказалось сложнее, чем деньги.

Мы снова шли молча. Но теперь — не потому, что нечего

сказать, а потому что слова ещё тянулись внутри.

Я чуть повернула голову:

— Вы справитесь.

Он посмотрел на меня так, будто мои слова были чем-то большим, чем просто фразой.

Как будто это был первый раз за долгое время, когда кто-то в него поверил.

— Было бы неплохо, — тихо сказал он. — Хоть раз.

Мы подошли к перекрёстку. Светофор мигал одиноко, будто тоже устал от зимы.

Он остановился и глубоко вдохнул морозный воздух.

— Можно я скажу странность? — спросил он внезапно.

— Давайте, — улыбнулась я.

— Когда я увидел вас в первый раз... — он замолчал, будто проверяя, не передумал ли. — Вы выглядели так, будто сами держите этот мир на хрупких плечах. И всё равно не падаете.

Я слегка опешила.

— И мне тогда почему-то захотелось... — он сжал губы, будто боялся сказать слишком много, — чтобы вам хоть однажды тоже кто-то помог.

Я отвела взгляд. Не потому, что было неприятно, а потому что это прозвучало слишком честно и как будто слишком рано.

Мы дошли до моего подъезда. Остановились.

— Спасибо, что проводили, — сказала я.

— Спасибо, что позволили, — ответил он тихо.

Он сделал шаг назад, будто освобождая мне дорогу, но взгляд всё равно задержался на секунду дольше, чем нужно.

— Спокойной ночи, Арай.

— Спокойной ночи... — прошептала я, и дверь подъезда закрылась за моей спиной.

А меня окутало странное чувство.

-----Глава 5. Юристочка-----

Мне кажется, я начинаю себя ненавидеть и по-другому это не назвать.

Этот до жути вежливый лудоман снова пропал. Ни сообщения, ни звонка. Тишина такая, что даже телефон в руке кажется ледяным. А я лежу, как полная сумасшедшая, и думаю о нём. О человеке, которого я толком не знаю.

Кто он вообще такой? Свалился с неба, шлёпнулся мне прямо на голову — и теперь сидит в ней, как будто я ему что-то должна. Прописался. Расставил мебель.

И ладно бы просто думала, но ведь я чувствую. И вот это хуже всего в этом всём.

Зачем я только позволила тогда довести меня до дома? Мозги отключились, ноги сами шли рядом с ним, а я ловила каждый звук его голоса, будто он читает мне какой-то сек-

ретный закон вселенной. А теперь расплачиваюсь.

Теперь я иду вечером домой и постоянно оборачиваюсь. С таким мерзким ощущением, что на меня кто-то смотрит. Что стоит только остановиться — и сзади шагнет тень.

Хотя я же знаю: это неправда. Просто фантазия, разогнанная моей бессонной башкой.

Я накручиваю себя сама.

Но всё равно — плечи поднимаются, дыхание чуть сбивается, а шаг становится быстрее. И внутри будто пустая банка гремит по полу.

А он, наверное, где-то там. В своём хаосе. В своей разорванной жизни.

И, кажется, ему даже в голову не приходит, что вот так исчезать — это больно. И это самая отвратительная часть.

У меня даже подруг толком нет, чтобы с кем-то этим поделиться. Все либо остались в деревне, либо растворились по пути. А я привыкла сама справляться. Или делать вид, что справляюсь.

И вот теперь, лежа на кровати с этим липким комом в груди, я не выдержала. Руки сами, как будто по памяти, набрали номер мамы.

Пальцы дрожали, но это даже приятно — значит, я ещё

живая.

Мама осталась в нашей деревеньке — Талдыкорган. Та самая, где я выросла, где каждый знает каждого, где дом наш стоит на краю — с видом на бесконечные поля. Там по утрам пахнет дымом и свежим молоком, а вечером слышно, как собаки переговариваются через дорогу.

А я уехала в Алматы, чтобы учиться. Чтобы вырваться, стать кем-то, построить жизнь. Мама гордилась. Говорила, что я должна жить лучше, чем она.

А её жизнь отличной не назвать, деревня есть деревня.

Огород по весне — спина потом болит так, будто камни таскала.

Коровы — в любую погоду, хоть дождь, хоть жара, хоть снег по колено.

Хозяйство требует всего: времени, сил, нервов. Иногда кажется, что оно и душу забирает по чуть-чуть.

Но мама всегда улыбалась. Говорила:

— Главное, чтобы ты там, в городе, не ломалась. Учись. Дожди. Ты же у меня сильная.

Мы с ней правда хорошо ладим.

На расстоянии даже проще — меньше ссор, больше тепла.

Я всегда знала: если совсем плохо, я могу позвонить. И она поднимет трубку, даже если в этот момент доит корову или стоит по колено в грязи у грядок.

И вот сегодня, с этим дурацким сердцем, которое предаёт меня снова и снова, я услышала её голос — тёплый, немного уставший, родной до боли — и сразу стало легче дышать.

— Алло, Арай?

— Мама... — голос дрогнул чуть-чуть, хотя я старалась казаться уверенной. — Как ты?

— Всё хорошо, родная. Ты как там, в Алмате? Учёба, работа? — в её голосе сразу слышалось тепло и забота.

— Да, как обычно... Много дел. Усталость, лекции, практика... — я немного вздохнула. — Всё идёт, мама. А ты как?

— С огородом, коровами, птицей, знаешь, как всегда, — она улыбнулась, и я могла это услышать. — Но главное, что ты учишься, идёшь своим путём.

Я улыбнулась, несмотря на усталость. Эти разговоры всегда немного возвращали меня к дому, к деревне Талдыкорган, к маме, к земле, которая пахнет сеном и свежей травой.

— Я скучаю по тебе, — сказала я тихо.

— И я по тебе, Арай. Но помни: что бы ни происходило,

у тебя есть сила и ум, чтобы справиться. Ты всегда умела держаться, даже когда всё сложно.

Я молчала, впитывая её слова. Тепло и забота мамы словно обволакивали меня, давали ощущение, что где-то есть точка опоры. Я не рассказывала ей про Амира — не могла. Этот странный, спокойный, уверенный парень стал для меня загадкой, и мне самой нужно было разобраться, что это за чувства.

— Спокойной ночи, мама, — наконец сказала я.

— Спокойной, родная. Отдыхай, завтра новый день. И помни — ты не одна.

Я положила телефон рядом и на мгновение закрыла глаза. Сердце всё ещё немного ёкало, но одновременно было тепло. Даже если вокруг хаос, даже если кто-то появился и снова исчез — есть место, где меня ждут и любят. Мама. Далеко, в Талдыкоргане, но рядом в сердце.

Из мыслей меня вырвал гул сообщения. Я взглянула на экран:

«Привет, юристочка. Как твои дела??»

Я чуть приподняла бровь, пальцы зависли над клавиатурой. Ну вот, только успокоилась после разговора с мамой, и тут — это.

«Вы что, пьяный?» — мелькнуло в голове, и я не смогла удержаться, чтобы не написать.

Смотрю на экран и удивляюсь: несмотря на небольшую

разницу в возрасте, мы всегда держались на «вы». Всегда была эта дистанция, профессиональная, уважительная, чёткая. А теперь он заявляется, как будто мы старые знакомые, почти друзья. И это сбивает с толку.

— «Прости... ты как всегда так меня читаешь. Единственный человек в жизни, который так умеет, юристочка».

Пальцы сами заскользили по клавиатуре, не спрашивая разрешения у мозга:

«Вы в порядке?»

Сообщение улетело прежде, чем я успела понять, что делаю.

Откуда во мне это? Зачем спрашиваю? Что собираюсь делать с ответом?

Телефон дрогнул в руках почти сразу.

— «Ты спрашиваешь, в порядке ли я... ну... не совсем. Я... эээ... не хочу тебе врать. Я под твоим домом».

Я заморгала. Прочитала ещё раз. И ещё.

— «Шучу, наверное», — добавил он через секунду.

Наверное?!

Я метнулась к окну, словно кто-то потянул меня за ниточку. Осторожно выглянула из-за шторы. И, конечно, Вселенная обожает такие моменты.

Потому что он там был.

Амир стоял прямо под моим подъездом, прислонившись

к перилам маленькой лестницы. В руках телефон, голова немного опущена. Внизу свет фонаря мягко ложился на его лицо — и выглядел он уставшим. Пьяным. И до обидного привлекательным.

Телефон пискнул снова:

— «Ты, наверное, уже смотришь».

Я невольно усмехнулась.

Живу на втором этаже — почти идеально видно.

И он, зараза, тоже поднял голову ровно в тот момент, как я выглянула. Наши взгляды встретились.

Прямо так — через расстояние, через холодный вечер, через этот нелепый, неправильный момент.

Я открыла окно, придерживая раму, чтобы не хлопнуло ветром.

— Вы что здесь делаете? — прошипела я, полушёпотом-полувозмущением, чтобы не услышали соседи.

— Приехал... убедиться, что ты не злишься. — Он поднял руку в почти детском жесте «мир?»

— Я не... злюсь, — выдохнула я и сама не поверила. — Но у меня соседи, Амир! Они видят всё, понимаете?

Он засмеялся. Тихо, виновато. Этот смех опасно грел.

— Извини, юристочка... Я не хотел тебя подставлять. Просто... я подумал... если сейчас не напишу — потом уже не смогу.

— Так вы ещё и писать не могли? — я покачала головой.
— Почему вы вообще пьёте?

— А почему ты вообще волнуешься? — спросил он, смотря прямо на меня снизу вверх.

Моё сердце споткнулось на ровном месте.

— Потому что вы стоите под моим окном, — буркнула я, отводя взгляд. — И это... не совсем нормально.

— Ага, значит, если бы я не стоял — тебе было бы всё равно? — он прищурился, как будто пытался поймать мой ответ заранее.

Я закатила глаза.

— Идите домой.

— Уже иду, — вздохнул он. — Только скажи, что не злишься.

— Я не злюсь. Идите.

Он сделал пару шагов назад, потом снова поднял голову:

— Доброй ночи.

Я закрыла окно и прислонилась к стене, чувствуя, как жар поднимается по шее. Зря я тогда позволила ему проводить

меня.

Теперь вот стоит под окнами, как главный герой плохой романтической мелодрамы.

Перед соседями стыдно.

Перед собой — ещё больше.

Я ещё пару секунд смотрела вниз, в ту сторону, куда он пошёл. Просто чтобы убедиться, что не свалился с лестницы или не врезался в первый же сугроб. Только когда его фигура окончательно растворилась в темноте двора, я выдохнула и закрыла шторы.

Дом будто вздохнул вместе со мной.

А я отправилась в постель.

Лечь удалось быстро, но толку — ноль.

Сон был скомканный, рваный, как будто кто-то каждую пару минут дергал за край одеяла. Я то проваливалась, то всплывала, пару раз будто слышала его шаги под окнами или мне просто казалось.

Этой ночью было особенно тревожно из-за того, что слишком много эмоций осталось не выговоренными.

На утро я чувствовала себя так, словно пила вовсе я, а не он.

Голова тяжелая, тело ватное, мысли будто были перекручены в блендере.

И самое обидное, что я вообще не пью и никогда не пила. Даже шампанское на Новый год обходила стороной. Поэтому всё это чувство «последствий после ночи» — чисто моё воображение, нервная система и перечувствованная драматургия.

Я сидела на краю кровати, уставшая ещё до того, как день начался, и думала только об одном:

Зачем он приходил? И почему это всё так трогает меня?

Ответ пришёл сам собой — точнее, вибрацией, от которой я едва не подпрыгнула.

Телефон завибрировал так громко, что на секунду показалось, будто он собирается провалиться сквозь тумбочку. Я взглянула на экран и ни капли не удивилась.

Амир. Звонок.

Пальцы даже не успели задуматься — я смахнула «принять» почти мгновенно и тут же услышала его голос.

Немного хриловатый, уставший, но почему-то такой тёплый, словно я слушаю не телефон, а человека, который стоит в шаге от меня.

— Привет... — тихо сказал он. — Прости. Простите за вчера.

Я закрыла глаза. И что я должна была сказать?

«Да ничего, просто ты пришёл пьяный под мои окна в два часа ночи»?

Но вместо этого я выдохнула и спокойно ответила:

— Доброе утро. И... ничего. С вами всё хорошо сегодня?

Он на секунду замолчал. На ту самую секунду, в которую люди обычно решают — врать или говорить честно.

— Не очень, — наконец сказал он, и голос его дрогнул. — Если честно, совсем не очень. Вчера... я был не в себе. Но я правда хотел тебя... вас... увидеть.

Я незаметно для себя села ровнее.

— И зачем? — спросила я тихо. — Зачем вам было меня видеть именно ночью?

Он вздохнул.

— Потому что вы — единственный человек, который смотрит на меня... нормально. Не как на идиота, который проиграл всё, что мог. И не как на потерянное дело.

Пауза.

— А вчера... просто стало очень одиноко.

Он продолжил ещё тише:

— Я хотел поблагодарить. И... наверное, услышать ваш голос. Хоть немного.

Я опустила взгляд на одеяло, морщинки от сжатых пальцев. Ком внутри груди стал чуть тяжелее, но уже без боли. Скорее — с каким-то странным теплом.

— Вы же понимаете, что так нельзя, — сказала я мягко.

— Ночью, пьяным... к моему дому.

— Знаю, — он снова вздохнул. — Поэтому и звоню. Чтобы сказать это трезвым голосом. И извиниться нормально.

Он замолчал на миг, потом чуть неловко добавил:

— Вы... очень сердитесь?

— Немного, — ответила я.

— Тогда с меня извинительный ужин! — вдруг заявил он, будто это было решением всей вселенной. — И это не обсуждается.

Я улыбнулась, чуть смущённо. — Встретьте меня с работы.

— Понял! Принял! — почти торжественно отозвался он.

— Будет сделано, миледи.

После этого мы ещё немного поболтали, смеялись над мелочами и обсуждали рабочие дела, а потом я вздохнула и сказала, что пора собираться на учебу и работу.

Я встала, потянулась, будто растягиваясь после долгого сна, и направилась на кухню. Завтрак был простым: тост с авокадо и чашка крепкого чёрного кофе. Но пока я нарезала хлеб, почувствовала, как во мне что-то шевельнулось — странный, почти животный порыв.

Я поставила кофе на стол, немного уставилась в окно, наблюдая, как февральское утро мягко освещает улицу. И внезапно осознала: это чувство, которое появляется редко, когда нужно защищать кого-то. Моё сердце как будто само ре-

шило, что я должна быть рядом.

«Я попробую ему помочь», — пробежало через мысли, тихо, но уверенно. И это не было хвастовством или фантазией — это было что-то большее, инстинкт, который просыпался, когда дело касалось тех, кому нужна помощь.

Я вышла из квартиры, забрав сумку с документами и направилась в университет. Утро было свежим, город ещё просыпался, а я шла быстрым, уверенным шагом, слушая собственное дыхание и скрип каблучков по асфальту. Дорога до универа пролетела быстро — мысли о делах, лекциях и предстоящих практиках держали меня в рабочем ритме.

Я зашла в аудиторию, села на привычное место у окна и раскрыла конспект. Лёгкий солнечный свет пробивался через стекло, подсвечивая страницы, а я сама вдруг заметила, что почему-то улыбаюсь. Такое лёгкое, почти невесомое чувство, будто что-то светится в душе, хотя вокруг обычный серый день.

Лекция начиналась обычно — аудитория наполнялась сонными студентами, некоторые ещё пытались досыпать, кто-то набирал конспекты в ноутбук. Но сегодня было что-то странное: с первых минут стало ясно, что мальчики в аудитории настроены на совсем не учебный лад.

Один парень с задней парты шептался с другом, показывая что-то в телефоне. Другой стучал ручкой по столу, создавая ритм, будто был диджеем собственной мини-оркестровой импровизации. Несколько ребят переговаривались меж-

ду собой, перебивая преподавателя, и смех периодически рвал тишину, как будто кто-то пустил внутреннего хулигана в аудиторию.

Преподаватель, видимо, был готов к подобному, но его терпение явно было на исходе. Металлический голос попытался обуздать шум:

— Ребята, давайте уважать друг друга и сосредоточимся на материале, — но едва произнёс это, как кто-то снова засмеялся, и один из мальчиков сделал «короткую насмешку», подталкивая соседей.

Я наблюдала за этим тихо, чувствуя нарастающее раздражение — больше не к преподавателю, а к этим шалопаям, которые превращали лекцию в цирк. Вот оно, взрослое чувство ответственности, смешанное с профессиональным инстинктом. Я могла бы вмешаться, сделать замечание, но понимала — это не моя зона сегодня.

Аня рядом заметила моё напряжение:

— Ты сегодня как будто... в режиме «серьёзная юристочка», — прошептала она, едва сдерживая улыбку.

Я слегка вздохнула и вернулась к конспекту, стараясь не обращать внимания на хулиганов, но всё равно ловила себя на мысли: с такими ребятами любая лекция превращается в испытание терпения.

В голове промелькнула мысль: «Но Амир ведь... наверняка такой же. Несоборный, пьющий, хулиган. По его костяшкам видно». Я вздохнула про себя и попыталась успо-

коиться: «Нет, он меня не бесит... хотя нет. Он меня бесит. Раздражает. Он — лишь мой рабочий интерес».

Я старалась удерживать разум в рамке логики, повторяла себе: я здесь не ради флирта, не ради игр, не ради эмоций. Я приехала учиться. Учиться, а не плутать между парнями и ситуациями, где только страсти, а никакой стабильности.

Пока я думала об этом, парни постепенно успокоились. Я почти не общалась с ними и в целом с курсом — мне было не до болтовни. Моя цель была проста: учёба, практика, знания. Всё остальное можно было оставить на потом.

После лекции я медленно сложила тетради в рюкзак, проверила, что ничего не забыла, и направилась к выходу. На улице ветер трепал волосы, но я не обращала внимания — мысли были уже на работе, на задачах, что ждали меня в юридической клинике. Каждый шаг по знакомым улицам был как маленький ритуал: вдох, выдох, сбор мыслей, подготовка к дню, где снова придётся разбирать чужие проблемы и находить решения.

Я шла привычным маршрутом, за плечами — шум города, в ушах — едва слышный звон шагов и разговоров. Клиника была не так далеко, и уже через десять минут я входила в знакомое помещение, где каждый стол, каждый стул и каждая папка с делами были как старые друзья. Я глубоко вдохнула, прислушалась к привычному гулу и чувствовала, как включаюсь в работу полностью.

Через пару часов я слегка откинулась на спинку стула,

поправляя сумку через плечо и натягивая зимнюю куртку. Проходя по коридору, я попрощалась с коллегами и кивнула администраторам. Всё как обычно — быстрый взгляд на часы, лёгкий холодный ветер за дверью и привычная суматоха людей, спешащих по своим делам.

Вышла на улицу — и почти вскрикнула от неожиданности.

— Ой... Амир! — выдохнула я, удивление переполняло голос.

Он стоял на тротуаре, едва сдерживая дрожь от холода. Руки тряслись, и он постоянно перетирал их друг о друга, пытаясь хоть как-то согреться. Его тёмное пальто слегка развевалось от ветра, а губы были бледные, дрожащие.

— Боже мой... Амир! Сколько вы тут стоите? Замерзли? — спросила я, не веря глазам.

Он чуть опустил голову, губы поджаты, и произнёс тихо, с дрожью:

— Два часа, примерно... — его голос был слабым, губы дрожали ещё сильнее. — Вы сказали забрать с работы, но не уточнили, во сколько. Я боялся пропустить.

Два часа на морозе ради меня.

— Два часа?! — выдохнула я, пытаюсь скрыть в голосе смесь волнения и раздражения. — Амир... вы же могли хотя бы зайти внутрь, согреться!

Он слегка смутился и пожал плечами, как будто оправдываясь:

— Я... не хотел мешать. Думал, лучше подождать на улице, чем появляться неожиданно.

Я сделала шаг ближе, чтобы его дрожащие руки оказались в пределах моего тепла.

— Ну что ж... за такое проявление усердия ужин удвоенный, — шучу я, стараясь разрядить момент.

Он едва заметно улыбнулся, усталость от холода всё ещё читалась на лице, но в глазах светилась лёгкая радость от того, что я оценила его старания:

— Хорошо... миледи, — тихо сказал он, и мы вместе пошли в какую-то сторону.

— А куда мы идём? — спросила я с интересом, пытаюсь скрыть, что моё сердце слегка учащённо стучит.

Он лёгкой походкой шагнул рядом, руки в карманах пальто, взгляд сосредоточен на тротуаре.

— В одно кафе, — ответил он спокойно. — Я там раньше работал. Друзья наверняка пробьют мне скидку.

— А сейчас? — я уточнила, слегка наклонив голову, как будто надеясь увидеть какую-то искру привычной занятости в его лице. — Сейчас работаете?

Он немного промолчал, будто взвешивая, что говорить. Потом тихо сказал:

— Нет. Не работаю.

Я лишь на секунду задумалась:

— А где вы тогда сейчас живёте? — спросила я, слегка смущённая — работы нет и квартиры теперь тоже.

— Сейчас я живу у лучшего друга. Он приютил меня на время, пока я не найду работу, — сказал он тихо, чуть опустив взгляд на тротуар.

— Хороший у вас друг, — сказала я, слегка улыбаясь. — Всем бы таких.

Он поднял на меня глаза, и в них мелькнула лёгкая улыбка.

— Да. Это правда, — ответил он, и в голосе звучало что-то сильное, почти трогательное. — Жизнь готов отдать за него.

В его словах было что-то чистое и одновременно тревожное, что-то, что заставляло задуматься о том, каким человеком он является, и почему я снова оказалась рядом с ним.

Когда мы дошли до кафе, мы предпочли занять место у окна. Официант почти мгновенно принёс меню, и мы заказали кофе и пару закусок. За столиком напротив шумели гости, но для меня мир сузился до нашего уголка и Амира.

Вдруг он заметил кого-то знакомого и весело воскликнул: — Эй, ребята!

Его друзья тут же повернулись к нам, улыбаясь, и Амир подошёл к ним. Я осталась наблюдать, как он с ними разговаривает, словно это совсем другой мир — лёгкий, шумный, свободный.

— Ну что, Амир, как жизнь? — спросил один из них, высокий парень с блондинистыми волосами.

— Да так... — ответил он, смеясь, — пока ищу работу,

но не скучаю.

— Ты как всегда с головой в проблемах, — подшутил второй, хлопнув его по плечу.

— Ага, но без вас было бы ещё скучнее, — улыбнулся он. Разговор длился всего пару минут, но я видела, как его лицо расслабилось, как он смеётся и шутит, будто на мгновение оставил все свои заботы за дверью. Это был Амир, каким я почти не видела его раньше — живым, свободным, своим.

Он вернулся к нашему столику, немного задыхаясь от смеха и разговоров. Я заметила, как его взгляд искал мой — словно проверял, что я всё ещё здесь.

— Ну что, юристочка, — сказал он, садясь напротив, — рассказывайте, что у вас нового.

Я лишь пожала плечами.

— День как обычно: пары, лекции, клиника... куча документов и нервов.

Он кивнул, и разговор потёк легко. Он рассказывал о том, как оказался в Алматы, о друзьях, о поисках работы, о временной квартире у друга. Я слушала, иногда задавала уточняющие вопросы, и удивлялась: всё это, казалось, совсем не связано с тем Амиром, который появлялся в моей клинике — нервный, слегка растерянный, но с этим необычным спо-

койствием.

— А вы ведь действительно собираетесь спасти меня? — спросил он внезапно и я поняла, что он шутит, но с оттенком серьёзности.

— Может быть... — ответила я, не отводя взгляда, хотя в груди что-то дернулось.

Мы так сидели ещё долго, разговаривая, смеясь, делясь кусочками своей жизни. И чем больше он рассказывал, тем яснее я понимала: этот человек — хаос и порядок одновременно, и сейчас он сидит передо мной, а я сама решаю, буду ли втягиваться в этот вихрь эмоций.

Снаружи вечер сгушался, а в кафе становилось уютнее: тепло, свет ламп, лёгкая музыка. Я ощущала, что этот разговор может тянуться ещё долго, словно ночь решила остановиться только для нас. Но мне нужно было идти домой и ложиться спать, потому что завтра рано вставать на пары. Он понял это и сидя рядом, вдруг начал искать деньги: достал кошелёк и стал перебирать купюры, явно в панике.

— Я чёрт, когда напился... все деньги на бары... — выругался он.

— Не продолжайте, — тихо сказала я, стараясь прервать его поток оправданий и неловкости. — Счёт закрыт.

Я положила на стол несколько купюр, чтобы оплатить за нас. В тот момент ситуация казалась одновременно безумно неловкой и комичной: он сидел, кошелёк раскрыт, а я спо-

койно вмешивалась, хотя во мне всё бурлило.

— Простите... простите... я опять всё испортил, — проговорил он, почти умоляя меня простить. Его глаза были усталые, губы дрожали, а голос срывался.

Мне стало неловко сразу за всех — за него, за себя, за всю ситуацию. Я чувствовала, что снова оказалась втянута в хаос его эмоций, но уже не могла от него отстраниться.

— Всё в порядке, — сказала я, стараясь быть спокойной. — Пойдемте. Уже поздно.

Он кивнул, и мы встали. Мы шли по снегу, который слегка скрипел под ногами. Я шла немного впереди, а он осторожно подбирал шаг под мой ритм. Холод слегка обжигал щеки, а лёгкий ветер разносил запах зимы.

— Я вас доведу, — тихо сказал он, и это звучало почти заботливо, что заставило меня немного растеряться.

— Спасибо, — ответила я, хотя понимала, что это опасно для моего спокойствия, но в тот момент просто хотела оказаться дома.

Когда мы подошли к моему дому, он слегка замедлил шаг. Я открыла дверь подъезда, а он остановился рядом, словно собираясь с мыслями. Снег тихо падал вокруг, фонарь слегка освещал наши лица, и морозный воздух щипал щёки.

— Тут остановимся, — тихо сказал он.

Я кивнула, немного замерев. Сердце забилось быстрее, разум шептал: «Это неправильно». Но всё остальное перестало существовать.

Он сделал шаг ближе и тихо произнёс:

— Простите за всё... за неловкость, за деньги, за вечер.

И прежде чем я успела что-то сказать, он наклонился и коснулся моих губ. Лёгкий, быстрый поцелуй, который был одновременно извинением и признанием. Моё тело дрогнуло, дыхание сбилось, мысли уплыли.

Он отступил почти сразу, словно боясь, что зашёл слишком далеко. Но вместо того, чтобы замереть, я подошла ближе и с новой силой ответила на его поцелуй. Резко, решительно, как будто хотела сказать всё, что накопилось за эти дни — всё в одном мгновении.

Он на секунду замер, но потом обнял меня крепче, словно поддерживая мою решимость. Снег тихо падал вокруг нас, а мир словно замер, оставив только нас двоих и эту невероятную смесь тепла и тревоги, что кружилась вокруг нас.

-----Глава 6. Ближе к краю-----

После того поцелуя Амир больше не пропадал. А если и исчезал, то ненадолго — день, два, и он снова появлялся, словно магнит тянул его к моему миру. Я списывала всё это на поиск работы, на его попытки устроиться, на хаос, который всегда сопровождал его жизнь.

Когда он был не занят мы общались почти целые сутки. Сообщения летели одно за другим, звонки длились часами. Он делился мелочами: случайно увиденный фильм, который заставил смеяться, странный случай с другом, поход за про-

дуктами, где он забыл кошелёк. И я слушала, смеялась, удивлялась и иногда ощущала, как сердце начинает биться быстрее просто от того, что он рядом — пусть и через экран.

— Ты действительно всегда так смеёшься над моими глупостями? — спросил он однажды, голос тихий, но с оттенком лёгкой уязвимости.

— Нет, — ответила я, прищурившись, — но иногда хочется. Особенно когда ты пытаешься быть серьёзным.

Мы говорили о работе, учебе, планах, друзьях, но постепенно разговор скатывался к чему-то более личному. Открыто, но осторожно. Амир рассказывал о страхах, сомнениях, о том, что кажется слабым, не таким, как другие. А я — о своих тревогах, о том, как сложно балансировать между учёбой, практикой и этой странной бурей эмоций, которую он привнёс в мою жизнь.

В какой-то момент он сказал:

— Знаешь, я никогда не думал, что встречу кого-то, кто будет так... слушать. По настоящему. Без лжи, без показной заботы.

Я промолчала, не зная, что ответить. И это молчание было ответом само по себе.

Дни проходили, и привычка видеть его снова и снова становилась частью моей рутины. Но с каждым разом стано-

вилось сложнее держать себя в рамках профессионализма и здравого смысла. Я понимала: чем ближе он, тем глубже я проваливаюсь в этот вихрь эмоций, где нет стабильности, только трепет и опасное притяжение.

И всё-таки, несмотря на тревогу, несмотря на страх потерять контроль, я не могла остановиться. Каждое его сообщение, каждый взгляд, каждая незначительная деталь — они постепенно разрушали мою осторожность, оставляя только ощущение, что я хочу быть рядом.

В этот день Амир пришёл ко мне почти сразу после пары. Я увидела его на выходе с университета, он стоял, слегка прислонившись к дереву, в тёплом пальто и с чуть взъерошенными волосами.

— Привет, юристочка! — крикнул он, когда заметил меня. — Ты готова к... бою?

— Бою? — я нахмурилась, а он только усмехнулся.

Он показал руки, которые прятались у него за спиной всё это время и там показались снежки.

— Ну что ж... я предложил бы мирный ужин, но сегодня настроение не мирное! — скомандовал он и вlepил первый снежок прямо в мою куртку.

Я вскрикнула, а потом — от неожиданного смеха — сама бросила в него снежок. Он увернулся, но не успел — снег попал в воротник, и его лицо исказилось в комичной гримасе.

— Ах, ты! — закричала я, поднимая ещё один снежок.

Он рассмеялся так звонко, что прохожие останавлива-

лись, чтобы на нас посмотреть.

Снега становилось всё больше, смех громче, и вот мы уже бегали по небольшой заснеженной площадке, пытаюсь прятаться за деревьями, перекатываться по снегу, бросать друг в друга комки.

— Ты так смеёшься, как будто с ума сошёл! — выдохнула я, хватая очередной снежок.

— А ты думаешь, это я адекватный? — он поднял бровь и с хитрой улыбкой бросил в меня ещё один снежок, попав прямо в плечо.

Мы смеялись, падали, снова вставали, сбивая снег с курток и шапок. Каждое мгновение было будто маленьким побегом от реальности — от работы, учёбы, забот. Всё сжималось до одного: мы, снег, смех, лёгкая дикая свобода.

Когда мы уже устали и руки замерзли, Амир предложил: — Давай остановимся... но только на минуту. — Он резко наклонился и поцеловал меня — так внезапно, что я чуть не рухнула назад в сугроб.

Я отступила, сердцебиение бешено стучало, а он смеялся, глядя на меня с хитринкой:

— Ты улыбалась, как ребёнок, — сказал он тихо, уже безо всей дикой игры.

— Ну, а кто бы не улыбался после такой... снежной атаки? — ответила я, тяжело дыша.

Мы стояли рядом, обмороженные и счастливые одновременно, а снег тихо ложился на наши волосы и плечи.

Такие моменты повторялись ещё пару раз. Мы смеялись, словно дети, забывая про всё вокруг. Катались на колесе обозрения, и я смотрела на город сверху. Он шутил, тыкал пальцем в окна, строил смешные догадки, а я смеялась, словно давно не чувствовала себя такой лёгкой.

Ходили на другие аттракционы, скользили по катку, корчились от смеха на каруселях. Всё это — за мои деньги, конечно. Он так и не нашёл работу, или, может, я просто не знала, куда исчезали его деньги. Но теперь для меня это уже не имело значения.

Я проиграла бой, которого даже не хотела выигрывать. Я проиграла и сдалась — сердцем, мыслями, всем, что у меня было. И, честно говоря, это было страшно, невероятно и сладко одновременно.

Я влюбилась. И не просто в его улыбку или взгляд, а во всю эту странную смесь хаоса и нежности, которая шла следом за ним, куда бы он ни пошёл.

Даже мама перестала меня узнавать. Опять звонок.

— Дочь, как с учебкой-то? — слышался знакомый тёплый голос, полный заботы.

— А... не знаю, — выдохнула я, стараясь скрыть раздражение.

— В смысле «не знаю»? — мама настороженно подняла

голос. — Доченька, ну ты же понимаешь, учеба — это важно! Как практики, лекции, документы?

Всё это раздражение, усталость и эмоции за последние дни вылезли наружу.

— Мама, я всё сама вижу и справляюсь! — чуть резче, чем хотелось. — Я же не ребёнок!

— Я знаю, я знаю, — сразу смягчилась она. — Просто... я волнуюсь. Не хочу, чтобы ты перегружалась. Учёба, работа, всё это... Дорогая, берегись себя.

Я закрыла глаза. Голос мамы всегда мягкий, заботливый, но сейчас он словно давил на больное место.

— Ладно, мам... я постараюсь... — сказала я тише, смягчаясь. — Всё будет нормально.

Я бросила трубку и глубоко вздохнула. Мама, конечно, хотела как лучше, но иногда её забота превращалась в давление. Амир, как обычно, видел это с другой стороны. Он уверенно заявлял:

— Ты слишком часто ей звонишь. Дай себе больше пространства, пусть она не давит.

Может, он был прав. Я действительно слишком долго жи-

ву под крылом мамы, слишком привыкла к её поддержке и теплу. Но с Амиром всё иначе. С ним нет того спокойного убежища, нет мягкого и надёжного плеча.

Его жизнь всегда была жесткой. Мама ушла слишком рано, оставив пустоту, а отец был не лучшим человеком. Зяядлый алкоголик, который не мог дать сыну ни поддержки, ни любви. Амир рано стал взрослым, научился держаться самостоятельно. Именно это делало его таким странным сочетанием силы и уязвимости, которое одновременно притягивало и пугало.

И я знала, что никогда не смогу спасти его полностью. Но, мне хотелось хотя бы быть рядом.

И вселенная, как всегда, услышала меня неверно. В этот день лекции тянулись бесконечно. Каждая минута казалась вечностью, потому что вечером была назначена встреча с Амиром.

— Арай, что такое? — вдруг прозвучал голос преподавателя, и меня насторожило. Я моргнула, растерянно глядя на доску. В голове был полный провал — я впервые не знала ответа на вопрос.

Я села обратно, ощущая, как щеки слегка загораются от стыда.

— Что с тобой? — прошептала Аня, как всегда сидящая рядом. Её взгляд был внимательным и настороженным.

Такое повторилось и на других парах: я отвечала невнятно, отвлекалась, листала конспект, пытаюсь вспомнить хоть

что-то. Это было понятно, потому что мысли только о нём — о встрече, о том, что вечером снова увижу его, и о том, что уже не могу скрывать чувства.

На большой перемене мы с Аней сели за обед. Она сразу заметила, что со мной что-то не так.

— Ладно, Арай, признайся, что случилось? — сказала она, хватаясь за ложку, но взгляд её был настойчивым, будто требовал правды.

Я опустила глаза на тарелку, пытаюсь собраться, но мысли всё равно рвались наружу. Хоть немного хотела поделиться, но с чего начать? С улыбки Амира? С того, как я жду каждого его сообщения?

— Ничего... просто устала, — сказала я, стараясь, чтобы это звучало убедительно.

Аня не поверила, но не настаивала сразу. Она просто села рядом, ждала, мягко держа рукой мою ладонь на столе. И в этом молчании была поддержка, которая позволяла мне хоть немного успокоиться, прежде чем вечером я снова встречу с Амиром.

— Я влюбилась. Понятно? — сказала я, хомяча свой обед.

— Влюбилась?! — переспросила она, смеясь и слегка хлопнув меня по плечу. — Да ты совсем сошла с ума!

Она наклонилась ближе, будто хотела рассмотреть меня со всех сторон:

— Ну, так это же... круто! — с улыбкой добавила Аня, но в её глазах мелькнула лёгкая тревога. — А кто? Ты ведь

серьёзно, да?

Я пожала плечами, немного смущённая, но на самом деле уже не чувствовала стыда:

— Да, серьёзно... — тихо ответила я, проглотив кусок и слегка улыбнувшись самой себе.

Аня только рассмеялась, качая головой:

— Ладно, значит, всё по-настоящему. Ну что ж, придётся терпеть, хомячок мой... — и она дружески ткнула меня в бок.

Тут впервые за день я почувствовала, что кто-то рядом действительно понимает.

Мы еще немного поболтали за обедом и отправились на последнюю пару. Она пролетела достаточно быстро, тем более нас отпустили раньше положенного.

Мы с Аней вышли на улицу, но все ещё болтали о чём-то отдалённом после пары по «Гражданскому праву», когда я вдруг услышала знакомый голос:

— Арай!

Я едва не подпрыгнула и резко обернулась. Там, на тротуаре, стоял Амир. Мы же должны были встретиться только после работы, а он здесь — как будто вселенная решила сыграть с нами злую шутку.

— Это он? — тихо спросила Аня, стоявшая рядом, будто проверяя, что она не ошиблась.

Я кивнула, немного притихла и подошла ближе. Он выглядел хуже, чем когда мы виделись в последний раз: меш-

ки под глазами, бледное лицо, усталость буквально висела на нём, и волосы были слегка растрёпаны. Он выглядел измученным, словно несколько дней его жизнь прошла через мясорубку, оставив только измождённую оболочку прежнего, весёлого Амира.

— Амир... — выдохнула я, внутренне напрягаясь, и замерла на месте. — Всё в порядке?

Он кивнул, пытался улыбнуться, но улыбка была слабой, почти натянутой. Его руки судорожно сжимали рюкзак, плечи были опущены, а взгляд скользил по асфальту, словно он пытался спрятаться от всех проблем мира.

Я хотела сказать что-то, чтобы его поддержать, но слова застряли в горле. Аня молчала рядом, внимательно наблюдая за нами, и в её взгляде мелькала лёгкая тревога.

— Ты... — начала я осторожно, голос чуть дрожал, — ты выглядишь... очень усталым. Всё хорошо?

Вместо ответа он просто кивнул в сторону Ани, и я сразу поняла, что сейчас будет та самая «маленькая проверка».

— Это кто? — спросил он, прищурившись, будто пытаюсь понять, кто осмелился вмешаться в наше с ним пространство.

— Моя одноклассница, Аня. Познакомься, — сказала я, слегка улыбаясь, стараясь сгладить неловкость момента.

Он внимательно посмотрел на Аню, и в его глазах мелькнула лёгкая, почти игривая недоверчивость.

— Ты же говорила, у тебя нет подруг... — произнёс он,

будто с ноткой ревности и удивления одновременно.

Аня тихо рассмеялась, а я почувствовала, как внутренне покраснела. Амир говорил это не сердито, но с этим его странным, едва заметным тоном притязания и удивления, который почему-то заставлял сердце стучать быстрее.

— Ну... есть, — пробормотала я, чуть смущённо, — но они все далеко... А это просто одноклассница.

Он кивнул, как будто принял это к сведению, а потом снова посмотрел на меня.

— Нам нужно поговорить. Наедине, — сказал он так тихо.

Аня замерла на секунду, перевела взгляд с него на меня — оценивающе, настороженно — и, ничего не сказав, закинула рюкзак на плечо и почти бегом ушла в сторону остановки.

— Конечно, — выдавила я, пытаюсь улыбнуться. — О чём?

Он сжал губы, будто собираясь с духом.

— Помнишь моего лучшего друга? Кайрата. Я о нём часто говорил.

— Да, помню, — кивнула я. И вспыхнуло неприятное предчувствие.

— Я же живу... жил у него. — Он вздохнул, глядя куда-то в сторону. — Он решил съехаться с девушкой. И мне приходится съезжать. А я не знаю куда. Квартиру я проиграл. Отец — алкоголик... ну, не жизнь — сказка.

— Мы... мы обязательно что-то придумаем, — прогово-

рила я, сама не веря собственным словам. Я пыталась успокоить его, но в итоге только усиливала свою собственную панику.

Он посмотрел на меня долго и холоднее, чем обычно.

— Скажи... ты меня совсем не любишь?

— Что? О чём ты? — выдохнула я.

— Любящая девушка *сразу* бы предложила переехать к ней, — сказал он, почти не повышая голоса, но его слова резали по живому. — А ты... понятно всё с тобой.

И он развернулся. Просто развернулся и пошёл прочь — быстро, решительно, как будто ему было уже всё равно.

Я стояла секунду. Две.

А потом тело само сорвалось с места.

— Амир! Амир! — кричала я, почти задыхаясь, бежала по ступенькам, по мокрому асфальту, лишь бы догнать его.

Лишь у перехода я наконец перегородила ему дорогу, хватая воздух рваными глотками.

— Конечно... — выдохнула я, чувствуя, как горло сжимает. — Конечно, переезжай ко мне. Я просто... я просто растерялась...

Я смотрела ему в глаза, пытаюсь понять, хоть немного — любит он меня или просто спасается. Но в тот момент это уже не имело значения. Я хотела его удержать. Любой ценой.

Он замер на мгновение, словно не веря своим ушам. Его

глаза расширились, взгляд метался между мной и пустой улицей.

— Правда? — тихо спросил он, и в голосе слышалась смесь удивления, облегчения и чего-то ещё, чего я не могла сразу определить.

— Да, правда... — ответила я, чуть улыбаясь, но в голосе дрожь. — Ты можешь жить у меня, пока не найдёшь своё место.

Он подошёл ближе, почти касаясь меня плечом. Тёплый запах его парфюма смешался с морозным воздухом.

— Я... не знаю, что сказать, — тихо проговорил он, глядя в глаза. — Обычно всё идёт не так, как надо... а ты... — он замялся, будто пытался подобрать слова. — Ты всегда знаешь, что делать.

— Ты заслуживаешь спокойное место, Амир. — Мой голос стал мягче, почти шепот. — И если хочешь... можешь быть рядом.

Он глубоко вдохнул, словно впитывая мои слова, и медленно улыбнулся. Эта улыбка была настоящей, искренней.

— Тогда... — сказал он, слегка наклоняясь ко мне, — я принимаю. И спасибо. За всё.

И в тот момент я поняла: этот шаг сделал нас ближе не только физически, но и эмоционально. Всё остальное — работа, учеба, проблемы — на мгновение перестало существовать.

-----Глава 7. Спасение в любви-----

Амир как будто подозрительно торопился. Через пару дней все его вещи уже были у меня. Кофты, куртки, старые книги, даже пара дисков с музыкой — всё аккуратно разложено, будто он собирался остаться надолго.

Мы сидели на кухне, он расставлял свои вещи на полках, а я всё пыталась понять, как это произошло так быстро.

— Ну и что, — пробормотала я, — теперь ты официально у меня... как сосед.

Он только усмехнулся, скользнув взглядом по комнате:

— Сосед, да. Только не обычный. Ты ведь знаешь, что я не люблю порядок... ха-ха.

Мне казалось, что этот «беспорядок» и есть причина, почему я снова теряюсь рядом с ним.

Он поставил на стол чашку с кофе и тихо посмотрел на меня. Взгляд был мягким, почти уязвимым, и в тот момент я поняла, что хочу спросить, но боюсь услышать ответ:

— Амир... — начала я, голос чуть дрожал, — ты меня любишь?

Он замер. На секунду показалось, что мир остановился, а потом он тихо улыбнулся, чуть наклонив голову:

— Я... не знаю, с чего начать. Но... да, я тебя люблю.

Он сказал это так спокойно, будто речь шла о погоде.

Люблю.

И в этом спокойствии было что-то пугающее.

Я не ответила сразу. Просто смотрела, как он берёт чашку, как греет ладони, как будто это утро — обычное. Как будто мы не стоим на краю чего-то слишком большого для нас двоих.

— Ты чего молчишь? — спросил он, не глядя, но я знала: он всё чувствует.

— Я... — я сглотнула. — Я просто не привыкла, что всё происходит так быстро.

Он усмехнулся, наконец поднял на меня глаза.

— Жизнь вообще не спрашивает, готова ты или нет.

И вот в этом он был весь.

Резкий. Прямой. Без тормозов.

Мы начали жить вместе странно — как будто давно знакомы, но всё равно каждый день узнаём друг друга заново. Он вставал раньше меня, пил крепкий кофе, оставляя чашки в раковине. Я ворчала, но мыла их молча. Он смеялся и целовал меня в висок, как будто извинение важнее любого порядка.

Иногда он готовил. Точнее — пытался.

Кухня после этого выглядела так, будто там прошёл ураган.

— Ты вообще как дожил до своих лет? — смеялась я, оттирая плиту.

— На харизме, — серьёзно отвечал он. — И на чужих кухнях.

Я смеялась вместе с ним. Тогда ещё смеялась легко.

По вечерам мы лежали на диване. Его голова — у меня на коленях, мой ноутбук — где-то сбоку, давно закрытый. Он рассказывал истории: про детство, про отца, вскользь, будто между делом. Про мать — редко. И всегда коротко. Словно боялся, что если скажет больше, что-то во мне сломается.

Я не настаивала. Я умела ждать. Всю жизнь этим занималась.

Иногда он смотрел на меня долго, пристально.

— Ты слишком правильная для меня, — говорил вдруг.

— А ты слишком драматичный, — отвечала я, но сама я всё понимала.

Он начал оставлять свои вещи повсюду. Куртка на стуле. Кроссовки у двери. Запах его шампуня в ванной. И я ловила себя на том, что квартира перестала быть *моей*.

Она стала *нашей*.

И мне это нравилось.

Слишком нравилось.

Но вместе с этим пришло и другое.

Он не спешил искать работу.

Говорил: «Завтра».

Или: «Я почти договорился».

Или просто отщучивался.

Деньги всё чаще были мои. Продукты — мои. Счета — тоже.

— Ты не переживай, — говорил он, обнимая меня сзади.
— Я всё верну. Я же не навсегда такой.

Я кивала. Конечно. Не навсегда.

Иногда он исчезал на вечер. Без объяснений. Возвращался поздно, уставший, пахнувший холодом и сигаретами.

— Всё нормально, — говорил он, когда я спрашивала. — Просто дела.

Я верила.

Или делала вид, что верю.

А ночью, когда он засыпал рядом, я смотрела в потолок и думала:

Это любовь или я снова кого-то спасаю?

И каждый раз убеждала себя:

Любовь. Конечно, любовь.

Потому что иначе — было бы страшно признаться, что я снова выбрала не себя.

Один из вечеров начинался так же буднично, как и все

последние.

Я пришла домой уставшая до ломоты в плечах — практика выжала из меня всё. В голове шумело от чужих историй, документов, голосов. Хотелось тишины. Душа. И чтобы никто не трогал.

Но уже в коридоре меня встретило знакомое раздражение.

Его вещи снова были разбросаны: куртка брошена на спинку стула, кроссовки небрежно оставлены посреди прохода, рюкзак у стены. Как будто он нарочно забывал, что здесь живёт не один.

Я вздохнула, молча переступая через это всё, и прошла в спальню. Скинула пальто, переоделась в домашнее — медленно, будто оттягивая момент возвращения в реальность.

И тут я услышала щелчок входной двери.

Амир вернулся, — подумала я спокойно, не придавая этому значения.

Я вышла в коридор — и замерла.

Амир стоял у двери. Немного покачивался, будто балансировал на грани трезвости. От него тянуло холодом улицы и алкоголем. Но он был не один.

Рядом с ним стоял ещё кто-то.

Высокий. Чужой.

С длинным телом и тяжелой посадкой плеч, будто он привык занимать собой пространство. На макушке — почти

не было волос, а над бровью тянулся неровный шрам. Такой оставляют не драки в спортзале, а уличные разборки — быстрые, грязные, без правил.

Он молча смотрел на меня. Даже не улыбнулся и не поздоровался.

— Знакомься, — сказал Амир слишком бодро для своего состояния. — Это мой друг. Кайрат. Я тебе про него много раз говорил.

Я моргнула, медленно возвращаясь в себя.

Значит, вот он какой. Тот самый. Тот, с кем он пропадал вечерами. С кем «решал дела». С кем сидел за гаражами.

Внезапность визита смутила, но где-то глубоко мелькнула и странная радость: наконец у этого образа появилось лицо. Не тень, не имя — человек.

— Приятно познакомиться, — сказала я и протянула руку.

Кайрат пожал её в ответ. Как будто слишком крепко.

И не отпускал дольше, чем нужно.

Его взгляд медленно прошёлся по мне без стеснения. Как будто он что-то оценивая прикидывал.

Мне стало не по себе, но я улыбнулась — вежливо, автоматически.

— Так, — Амир хлопнул в ладони, словно разгоняя неловкость. — Я быстро в душ. Нужно прийти в себя.

Он повернулся к Кайрату и махнул рукой:
— Ты пока располагайся. Чувствуй себя как дома.
Это прозвучало странно. Почти смешно.

Ведь это был *мой* дом.

Я проводила Амира взглядом, пока он не скрылся в ванной, и только тогда снова посмотрела на гостя. В груди поселилось напряжение.

— Кайрат, — сказала я ровно, беря себя в руки. — Пройдём на кухню. Я заварю чай.

Он кивнул, всё так же молча, и двинулся за мной.

Я разлила чай по кружкам и поставила их на стол. Пар от горячей воды поднимался вверх, смягчая воздух, и мне показалось, что вместе с этим немного смягчился и Кайрат.

Он откинулся на спинку стула, усмехнулся — впервые по-человечески, без этого настораживающего молчания.

— Ну что, — протянул он с ленивой, почти добродушной улыбкой. — Рассказывай. Как тебе живётся с ним?

Я подняла глаза.

— В смысле? — переспросила, не сразу поняв, к чему он клонит.

Кайрат усмехнулся шире, покачал головой.

— Ну, Амир же порядок вообще не признаёт, — сказал он, будто делился старой байкой. — Я чуть с ума не сошёл, когда он у меня жил. Вещи везде, бардак вечный...

Он хихикнул, явно вспоминая что-то своё. — Иногда казалось, что он принципиально не знает, что такое «на место».

Я сделала глоток чая, позволяя горячему вкусу занять паузу вместо слов. Подбирала ответ осторожно, будто шла по тонкому льду.

— Да... — наконец сказала я. — Это правда. Я люблю порядок, и мне... немного сложно с этим.

Я позволила себе лёгкую улыбку и добавила, почти невзначай:

— Зато тебе повезло. Девушка появилась — и ты избавился от такого соседа, как Амир.

Кайрат резко поднял брови, ту самую, где был шрам.

— В смысле? — переспросил он. — Какая девушка?

Я замерла на секунду, но тут же собралась.

— Ну... в смысле какая, — уверенно продолжила я, хотя что-то неприятно кольнуло. — К тебе же переехала девушка, и поэтому Амиру пришлось съехать.

И тут он осёкся.

Я увидела это слишком отчётливо: как у него на лице мелькнуло понимание. Как будто пазл внезапно сложился — но не так, как нужно.

Он кашлянул, отвёл взгляд и тут же заговорил иначе, слишком поспешно:

— А... да. Точно. Так и было, — протянул он с фальши-

вой лёгкостью. — Завёл себе девушку. Вот и пришлось... ну, чтобы он съехал.

Слова прозвучали неровно. Как плохо выученная реплика.

Я медленно поставила кружку на стол.

— Ты мне что-то не договариваешь, — сказала я спокойно.

Кайрат посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на настороженность.

Я выдержала паузу, давая этим словам осесть между нами.

— Не ври мне, Кайрат, — продолжила я, уже не улыбаясь. — Он сам съехал?

В кухне стало вдруг слишком тихо.

Даже чай перестал парить.

Но договорить нам не дали.

Щёлкнула дверь ванной, и в коридоре послышались шаги. Я обернулась как раз в тот момент, когда появился Амир. Волосы влажные, на коже ещё блестят капли воды, полотенце небрежно обмотано вокруг бёдер — так, будто ему и в голову не пришло, что он не один.

— Ну как, ребята, — бросил он легко, будто ничего не происходит. — Подружились?

Кайрат вздрогнул, словно его окликнули слишком резко.

— Я... я, пожалуй, пойду, — сказал он быстро, почти сразу.

— Куда это ты собрался? — нахмурился Амир. — Мы же даже толком не посидели.

Я перевела взгляд с одного на другого.

С мокрых следов на полу. С напряжённого лица Кайрата. Со слишком спокойного, слишком уверенного Амира.

— Так, — сказала я, перебив их обоих. — Либо вы сейчас вдвоём объясняете, что здесь происходит, — мой голос дрожал, но я не отступила ни на шаг, — либо вы оба берёте свои манатки и сваливаете из моего дома.

Амир резко повернулся ко мне.

— Ты о чём вообще? — нахмурился он, будто я сказала что-то абсурдное.

— Ты сам съехал от Кайрата ко мне? — продолжила я, не давая ему времени опомниться. — Никакой девушки нет? Ты мне соврал?

Амир медленно повернул голову к Кайрату. В его взгляде не было удивления — только злость.

Кайрат отвёл глаза.

— Я же говорил... — пробормотал он. — Я лучше пойду.

Он сделал шаг к выходу.

— Стоять, — сказала я тихо, но так, что он замер. — Уже поздно уходить от разговоров.

Амир сжал челюсть.

— Ты зачем полез? — процедил он сквозь зубы, не глядя на меня. — Я же просил.

— Я ничего не делал, — огрызнулся Кайрат, но голос у него был уже не такой уверенный. — Она сама всё поняла. Я смотрела на них и вдруг ясно осознала:

это не ссора и не недоразумение.

Это — ложь, которая просто слишком долго держалась.

— Значит, так, — сказала я, медленно, отчётливо. — Сейчас вы перестаёте играть в молчанку.

Я посмотрела прямо на Амира.

— Ты мне врёшь?

Амир молчал.

Это было самое страшное — не крик, не оправдания, а именно это затянувшееся, вязкое молчание. Он смотрел в пол, будто там можно было найти выход, которого не существовало.

— Ответь мне, — сказала я тише. Голос предательски сел.

— Просто ответь.

Кайрат нервно кашлянул, переступил с ноги на ногу.

— Слушай, я правда лучше...

— Закройся, — резко бросил Амир, не поднимая головы.

Я вздрогнула. Он никогда раньше так не говорил. Ни со мной, ни при мне.

Амир наконец поднял глаза. И в них не было ни раскаяния, ни нежности — только усталость и злость, перемешанные в одном мутном взгляде.

— Да, — выдохнул он. — Я соврал.

Это было одно слово. Короткое, но оно ударило сильнее пощёчины.

— У Кайрата не было никакой девушки, — продолжил он, уже быстрее, будто решил вывалить всё сразу. — Я сам ушёл. Я ушёл, потому что хотел быть с тобой.

— И ты решил прийти ко мне, — я кивнула, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Соврав. Давя на жалость. Проверая, насколько я тебя «люблю».

Он дернулся.

— Не так.

— Именно так, Амир.

Кайрат тихо вздохнул.

— Я говорил ему, что это хреновая идея, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — Но он был уверен, что ты всё равно согласишься.

Я резко повернулась к нему.

— Ты знал?

— Я... — он замялся. — Я думал, что он потом всё тебе расскажет.

Я снова посмотрела на Амира.

— Потом.

Удобное слово.

— А если бы я не узнала? Ты бы так и жил здесь? Делал вид, что всё честно?

Он провёл рукой по лицу, оставляя влажный след.

— Я боялся, что ты скажешь «нет».

— А теперь? — спросила я. — Чего ты боишься теперь?

Он молчал.

— Знаешь, что самое страшное? — сказала я, чувствуя, как глаза жжёт. — Я бы, возможно, всё равно позволила тебе переехать. Без лжи. Без этого цирка.

Я усмехнулась, горько.

— Но ты решил, что мной можно манипулировать.

Амир шагнул ко мне.

— Я тебя люблю.

— Не подходи, — резко сказала я.

Он остановился.

— Любят не так, — продолжила я. — Любят — когда выбирают честность. Даже если рискуют остаться на улице.

В комнате снова стало тихо. Только капала вода где-то в

ванной.

— Кайрат, — сказала я, не глядя на него. — Ты можешь идти.

Он кивнул, будто ждал этого разрешения, схватил куртку и уже у двери бросил:

— Прости. Правда. Я не знал, что он такой дурак.

Дверь за Кайратом ещё не успела толком захлопнуться, как Амир изменился.

— Это что сейчас было? — спросил он тихо.

Я обернулась.

— В смысле?

— В прямом, — он усмехнулся, но в улыбке не было ничего тёплого. — Ты при моём друге решила меня выставить кем? Бомжом? Приживалой?

— Амир, я просто хотела понять, почему ты соврал...

— Нет, — перебил он. — Ты хотела унижить. При нём. Намеренно.

Он сделал шаг ко мне.

— «Вы сейчас оба соберёте манатки и уйдёте из моего дома», — повторил он медленно, смакуя каждое слово. — Ты вообще слышала, как это прозвучало?

— Это мой дом, — тихо сказала я.

— А я думал, мы семья, — мгновенно отрезал он. — Или

семья — это только когда тебе удобно?

Он развёл руками.

— Знаешь, я от тебя такого не ожидал. Честно. Я думал, ты другая. Что ты не будешь тыкать меня носом в то, что у тебя есть крыша над головой, а у меня — нет.

— Я не это имела в виду...

— Но сказала именно это, — резко бросил он. — И при человеке, который знает меня с улицы. Который видел меня в таком дне, о котором ты даже не догадываешься.

Он отвернулся, прошёлся по комнате, потом снова посмотрел на меня — уже уставшим, почти обиженным взглядом.

— Я ради тебя ушёл, — сказал он тише. — Я выбрал тебя. А ты... ты за один вечер дала мне понять, что я тут временный.

Мне стало стыдно. Именно этого он и добивался.

— Я просто испугалась, — выдохнула я.

— А ты подумала, каково было мне? — спросил он. — Стоять там и слушать, как женщина, которую я люблю, говорит, что может в любой момент вышвырнуть меня за дверь.

Он подошёл совсем близко.

— Ты знаешь, как это ломает?

Я покачала головой.

— Я думал, ты — мой дом, — сказал он почти шёпотом.

— А оказалось, что я тут на птичьих правах.

Тишина повисла между нами.

— Прости, — сказала я первой. — Я не хотела тебя задеть.

Он выдохнул — будто победил.

— Ладно, — кивнул он. — Просто... давай больше так не делать. Мне и так тяжело. Ты же видишь.

Я кивнула.

Меня переполняли неприятные чувства.

Как будто я только что переступила черту —

где уже не разбирают, кто прав, а кто просто умело давит на боль.

Через час мы молча отправились в спальню.

Без примирительных фраз, без «спокойной ночи», будто разговор ещё не закончился — просто застрял где-то между нами и теперь лежал тяжёлым грузом.

Амир лёг рядом, отвернувшись к стене.

Я тоже повернулась в другую сторону.

Между нашими спинами осталось расстояние — маленькое, но непривычно огромное.

Сон не приходил.

Я смотрела в темноту, считала трещинки на потолке, прислушивалась к его дыханию и думала о том, что завтра рано вставать, что в университете снова пары, конспекты, лица, вопросы.

А в голове — ни одной стройной мысли.

А если я и правда перегнула?

Может, я была слишком резкой.

Слишком уверенной в своём праве.

Слишком холодной.

Он ведь просто хотел быть рядом.

Хотел остаться.

Хотел чувствовать, что у него есть место — не временное, не условное, а настоящее.

Я сжала одеяло пальцами.

Может, я должна была сказать иначе. Мягче, немного теплее.

Ведь ему и так тяжело. Без дома, без опоры, с этим вечным ощущением, что мир вот-вот снова выбьет почву из-под ног.

Я повернула голову и посмотрела на его силуэт.

Он не спал.

И от этой мысли стало ещё тревожнее.

Я закрыла глаза, заставляя себя уснуть, но мысли продолжали упрямо крутиться по кругу —

между виной, сомнением

и странным, пугающим желанием быть для него тем самым домом,

даже если за это придётся заплатить собой.

-----Глава 8. Запах алкоголя-----

На парах я сидела, уставившись в одну точку, и делала вид, что слушаю.

На самом деле слова преподавателя проходили мимо — как шум машин за закрытым окном. Я записывала что-то в тетрадь машинально, потом ловила себя на том, что уже несколько минут вывожу одну и ту же букву на полях.

Мысли всё время возвращались домой. К вчерашнему вечеру, к его взгляду, к этой тягучей тишине перед сном.

— Арай, — окликнули меня.

Я вздрогнула.

Оказывается, вопрос был адресован мне.

Я ответила как-то невпопад, сама не поняла — правиль-

но или нет. Преподаватель лишь странно посмотрел, но продолжил дальше. Мне повезло. В другой день я бы так легко не отделалась.

На работе тоже было непривычно тихо.

Пару несложных дел, несколько подписей, короткие разговоры с коллегами — и всё. Я даже освободилась раньше обычного. Вроде бы радоваться надо, но мне всё равно было беспокойно, будто я что-то упускаю.

Дом встретил меня тишиной.

Я сразу поняла — Амира нет.

Это чувствовалось сразу: по воздуху, по отсутствию звуков, по тому, что меня никто не встречает. Он не хлопал дверью, не писал, не звонил. Просто исчез.

«Наверное, вышел», — попыталась успокоить себя я.

И тут же другая мысль, острая, неприятная:

А если нет?

Я сняла куртку, медленно прошла в спальню, переделалась в домашнюю одежду. Всё делала нарочито спокойно, будто боялась спугнуть собственные мысли. Хотелось просто лечь, уткнуться в телефон, пролистать что угодно — лишь бы не думать.

Я уже устроилась на кровати, потянулась за телефоном.

Тук-тук.

Я встала, босиком прошла по коридору и посмотрела в глазок, прежде чем открыть.

На пороге стоял Кайрат.

Обычный, уставший, с тем самым выражением лица, когда уже не удивляешься ничему. Одной рукой он держал Амира — точнее, практически тащил его на себе. Амир висел на нём всем весом, голова у него съехала набок, глаза были полузакрыты. Я открыла дверь.

— Привет, — сказал Кайрат так буднично, будто мы встретились в лифте.

— Привет... — так же автоматически ответила я и тут же добавила: — Опять?

Он криво усмехнулся.

— Ага. Сегодня «опять».

Амир что-то пробормотал себе под нос. Нечленораздельно, но с интонацией человека, который уверен, что говорит что-то очень важное.

— Я... я вообще-то нормально... — протянул он. — Просто... мир немного кривой сегодня.

— Конечно, — сухо сказал Кайрат. — Проходи давай, философ.

Мы молча разошлись по сторонам, как будто делали это уже сотню раз. Я придержала дверь, Кайрат втянул Амира

в квартиру. Тот задел плечом косяк, хмыкнул и попытался извиниться перед стеной.

— Осторожно, — машинально сказала я.

— Я осторожный, — возмутился Амир. — Я вообще... очень аккуратный человек.

Мы переглянулись с Кайратом.

До спальни мы дошли с трудом. Амир всё время пытался идти сам, путался в ногах, вдруг останавливался, чтобы что-то объяснить — про жизнь, про любовь, про то, что «всё не так просто, как кажется».

— Ты её любишь? — внезапно спросил он у Кайрата, ука- зывая куда-то в мою сторону.

— Ложись, — ответил тот вместо этого.

Мы усадили Амира на край кровати, а потом почти одно- временно попытались его уложить. Он сопротивлялся вяло, как человек, которому лень даже спорить.

— Я не сплю, — пробормотал он. — Я просто... отдыхаю с закрытыми глазами.

Кайрат потянулся к его куртке.

— Поможешь? — коротко спросил он у меня.

Я кивнула и осторожно взялась за второй рукав. Амир что-то недовольно буркнул, но руки послушно поднял. Куртка соскользнула на пол.

— Эй, это моя любимая... — протянул он. — Аккуратнее

с ней, она многое видела...

— Как и мы, — тихо сказала я, больше себе, чем кому-то ещё.

Мы разули его, расстегнули ремень, стянули джинсы — всё быстро, неловко, без слов. В этом не было ничего интимного, только усталость и привычная механика заботы о человеке, который сам уже не справляется.

Амир вдруг открыл глаза и посмотрел на меня мутным, расфокусированным взглядом.

— Ты злишься? — спросил он неожиданно трезвым тоном.

Я замерла.

— Нет, — соврала я так же тихо.

Он удовлетворённо кивнул и тут же отвернулся к стене.

— Я знал... — пробормотал он. — Ты у меня хорошая...

Через минуту он уже дышал ровно и тяжело — провалился в сон так же резко, как падают без сил.

Кайрат выпрямился, вздохнул и почесал шею.

— Прости, — сказал он. — Я не хотел... но одного его оставить было нельзя.

— Я понимаю, — ответила я.

— И за вчера тоже прости... — пробормотал Кайрат, слегка смущаясь, взгляд его метался по спальне.

Амир, будто почувствовав наши слова, на секунду поше-

велился во сне и перевернулся на другой бок, не просыпаясь полностью.

— Давай лучше пройдем на кухню и там поговорим. А то сейчас разбудим его, — шепотом предложила я, стараясь сохранить тишину.

— Конечно, — тихо согласился Кайрат.

Кухня была совсем рядом с спальней, и мы уселись за стол, словно повторяя наш вчерашний «тайный» ритуал.

— Правда, прости за вчера, — продолжил он, слегка отвлекаясь от стола, — я не знал, что он тебе ничего не сказал. Он протянул мне коробку конфет.

— Вот, к чаю купил...

На мгновение я остановилась, оценивая жест, но всё же приняла подарок, чувствуя тепло в груди.

— Ничего... И ты прости меня, что тогда сказала, что вас обоих вышвырну из дома. Это было грубо, — тихо сказала я, вспоминая слова Амира вечером после его ухода.

— Нет, ты чего... Твоя реакция абсолютно нормальная. Я бы почти так же отреагировал на твоём месте, — ответил Кайрат спокойно, чуть улыбаясь.

Я снова на секунду осеклась, обдумывая вчерашний вечер, ощущение напряжения всё ещё висело в воздухе.

— Почти? А что бы ты сделал иначе? — с лёгким интересом спросила я, поддразнивая.

— Я бы не стал угрожать, сразу перешел бы к действиям,

— улыбнулся он, глядя на меня с лёгкой шутливой серьёзностью.

Мы переглянулись и одновременно рассмеялись, как будто смех стал единственным мостом между вчерашней суматохой и настоящей тишиной.

Мы еще немного поболтали. Я постепенно начала узнавать Кайрата, и он показался мне порядочным, спокойным человеком, с которым легко общаться. Было приятно осознавать, что у Амира есть такие друзья, на которых можно положиться.

К концу разговора Кайрат вздохнул и сказал, что ему уже пора — поздно, а завтра ему рано вставать на работу. Он поблагодарил меня за чай и подошел к двери, где он задержал взгляд на мне на мгновение, как будто прощаясь не только с квартирой, но и с частью этой тихой, уютной атмосферы, которую мы только что создали. Потом он мягко вышел, оставив после себя ощущение спокойствия и лёгкой улыбки.

На этот раз я почти сразу направилась спать — день выдался длинным и утомительным. Решила устроиться в гостиной на диване: спальня, где лежал Амир, источала стойкий запах алкоголя, и мысль о том, чтобы лечь рядом, казалась мне крайне сомнительной. Мне это решение казалось разумным, но судя по утру, Амиру явно нет.

Я проснулась не от пения птиц или мягкого света, а от сильного потряхивания за плечо.

— Сначала спим отдельно, а потом что? — почти кричал

он, глаза горели раздражением.

Я вздрогнула, глаза ещё не привыкли к утреннему свету, и заспанный голос едва смог вымолвить:

— Что?

— Ты легла сегодня отдельно! Объясни! — повторил он, уже почти в истерике, и пальцы снова схватили мои плечи.

Я отпрянула чуть назад, пытаюсь прийти в себя и подобрать слова:

— Я... я решила лечь в гостиной, — начала я осторожно, — потому что... — замялась, — потому что от тебя пахло алкоголем.

— Ну... — наконец произнёс он тихо, — значит, ты выбрала диван, а не меня... — слова прозвучали почти шепотом, но тяжёлым камнем упали мне на грудь.

Я опустила взгляд, чувствуя неловкость и растерянность. — Я не хотела тебя обидеть, правда.

Амир сделал шаг назад, руки сложил на груди и глубоко вздохнул. Напряжение в воздухе повисло густым облаком, но я понимала, что, несмотря на его злость, это всё равно — его способ показать, что он волнуется, что он переживает.

— Ладно, на первый раз прощаю, — пробормотал Амир, наливая себе чашку кофе и с хитрой улыбкой оглядывая меня.

— Почему вчера не убралась? — продолжил он, с интере-

сом заглядывая на расставленные чашки. — Что за чашки? Вы что, с Кайратом чай гоняли?

— Да... — немного осторожно призналась я, ловя его взгляд.

Амир слегка приподнял бровь и усмехнулся, потягивая кофе.

— Знаешь, я рад, что вы подружились. — Его тон стал мягче, почти добродушным. — Ты же извинилась перед ним за позавчера?

— Конечно, извинилась, — кивнула я, улыбнувшись, немного расслабляясь.

Амир слегка откинулся на спинку стула, держа чашку в руках, и посмотрел на меня так, будто пытался заглянуть прямо в мысли.

— Знаешь, — сказал он тихо, — иногда мне кажется, что ты слишком строга со мной. Слишком рациональна... даже когда я этого не заслуживаю.

Я улыбнулась, слегка поёжившись от его взгляда.

— Я просто... пытаюсь держать порядок в хаосе, который ты за собой оставляешь, — ответила я, чуть смеясь. — Сегодня утром, кстати, это оказалось особенно актуально.

Он рассмеялся тихо, почти не слышно, но глаза его засветились.

— Хаос, говоришь... Да, я признаю, я могу быть настоящим «шумным элементом» твоей квартиры. Но знаешь что? — он сделал паузу, наклонившись чуть ближе, — мне нравится, что ты здесь, рядом. Что можешь укротить меня... хотя бы немного.

Сердце моё дрогнуло, а в груди вдруг стало тепло. Я не знала, что сказать, поэтому только тихо усмехнулась.

— Слушай, — продолжил он, отпивая кофе, — а если завтра я опять устрою полный бардак? Тебе придётся снова меня «укрощать».

Я закатила глаза, но улыбка не сходила с лица.

— Что ж, придётся снова терпеть, — сказала я, — хотя на этот раз я возьму реванш за все твои шалости.

Он хитро прищурился.

— Реванш? — повторил он, словно пытаясь представить, что это может быть. — Хм... звучит заманчиво.

Мы оба тихо рассмеялись, и на мгновение казалось, что мир вокруг замедлился. Этот утренний кофе превратился в маленький ритуал, где было место и заботе, и игривому флирту, и тихой близости.

-----Глава 9. Страшное кино-----

Этот месяц пролетел, словно в тумане: работа, учеба, уборка... день сливался с днем, а мысли всё равно возвращались к нему.

Но сегодня Амир был каким-то другим — словно его подменили. С самого утра он был до чертиков весел, игрив, почти непоседлив. Пока я готовила утренний кофе, он тихо целовал мою шею, руки случайно, но уверенно скользили по моим бедрам. Я не удержалась и расхохоталась, словно маленькая девочка.

— Может, прогуляешь сегодня учебу? — неожиданно промурлыкал он, улыбка играла на губах. — Мы могли бы куда-нибудь выбраться...

— Ничего себе... — я удивленно отстранилась на мгновение, глаза расширились. — И куда же ты предлагаешь?

— Может, сходим в кино? — предложил Амир с игривой улыбкой. — Там идёт очень интересный фильм про вампиров.

— Конечно, давай, — ответила я, стараясь улыбнуться. — Сначала позавтракаем, а потом я куплю билеты.

Честно говоря, я никогда не любила фильмы про вампиров и каждый раз откровенно жаловалась Амиру, когда он включал «Сумерки» на телевизоре. Но сегодня у меня не было ни сил, ни желания спорить. Всё, чего я хотела, — это провести с ним тёплое, спокойное утро, ведь его настроение сегодня было таким необычным. И, конечно, мне нужно было хоть немного разгрузиться и забыть о бесконечном хаосе

последних дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.